

Глава VI

Преемник императрицы Екатерины II, насыщенный, так сказать, ненавистью ко всем фаворитам своей матери, поспешил, прежде всего, именным указом от 12 ноября 1796 года отрешить князя П. А. Зубова от всех должностей, которые были возложены на него Екатериною II. Далее указом декабря 12 дня уничтожалось Екатеринославское наместничество, а вместо него учреждалась Новороссийская губерния, состоявшая из 12 уездов. Самый город Екатеринослав повелено именовать **Новороссийском**. Января 13 дня 1797 года военным и гражданским губернатором Екатеринославской губернии назначался генерал-лейтенант Н. М. Бердяев с окладом жалованья 3600 руб. в год, в какой должности он состоял до 29 ноября 1797 года. А указом от 1 декабря того же года «препоручено» генералу от инфантерии, командующему таврической дивизией, графу Михаилу Васильевичу Коховскому управление Новороссийскою губерниею с выдачею столовых 3600 рублей в год, а бывшему в Киевской губернии директору экономии надворному советнику Неверовскому отправлять должность вице-губернатора.

Вслед затем указами от 18 и 20 декабря приказано было «все строения во всей губернии остановить». Тогда все материалы, предназначенные для построек, были проданы чрез казенную палату с публичного торга. Казенные дома, построенные для чиновников и купцов, частью погибли от пожаров, частью пришли в ветхость и развалились. Выгонная земля, отведенная для города Екатеринослава, частью отошла к Старому и Новому Кодакам, Лоцманской Каменке, частью поступила частным владельцам. Монастырский остров поступил в распоряжение лесного ведомства. Становой остров сделался собственностью генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского. Великолепная оранжерея, имевшая 15 сажен длины, стоившая очень больших денег, с прекрасными теплицами и со всем тем, что росло в Потемкинском саду, то есть редкостные, привозные, тропические деревья, числом 507 штук, дивные декоративные растения — все это было продано в течение года за ничтожное количество денег — всего лишь 1039 рублей.

Так, по одному росчерку пера преемника Екатерины II Павла I не стало богатого и редкостного сада. Но все же он был и его видели, видели и восхищались местные жители. Что до грандиозного 12-престольного Преображенского собора, что до «прекрасного» университета, музыкальной консерватории, художественной академии, то обитатели города Екатеринослава, увы! никогда их в действительности не видели. Из двенадцати проектированных разных фабрик только две из них просуществовали до 1837 года.

Таким образом, город Екатеринослав, ставший неожиданно Новороссийском, надеявшийся сиять золотом, обещавший сделаться древними Афинами, стать могучим Римом, в самое короткое время лишился всего. Он возвратился в сосуд глиняный или в ту самую первобытную Половицу, на которой был основан.

А каков был в самом деле в то время город Новороссийск, о том пишет сенатор и член академии наук П. И. Сумароков, много путешествовавший по России:

«Новороссийск есть ничто иное, как мудреная загадка, которую проезжающему надлежит осмотрительно отгадывать. Он увидит губернский город, расположенный в полуверсте от Днепра, на гладкой степи, при подошве горы, простирающейся над ним наподобие вала. Он увидит десятка три обмазанных господских и купеческих домиков, две церкви, ряд деревянных лавок, весьма широкие с худым строением улицы, некоторую монастырскую пустоту, скучное уединение, и весь город не обширнее, притом не красивее порядочного местечка: это будет нынешний Новороссийск.

Но чтобы подать читателю мысль, какое назначалось ему пышное бытие и каким образом он при самом начале своем пришел в немощь и упадок, то нужно представить хро-

нологическое повествование. В 1779 году построен был на левой стороне Днепра, при самом устье впадающей в него реки Самары, губернский город Екатеринославль, который потом, по причине разлива воды, его потопляющего, оставлен без внимания, и в 1782 г. превращен в простой уездный с переименованием Новомосковска. В сие время Новороссийская и Азовская канцелярия перевелись в Полтаву, а оттуда в Кременчуг, где оныя, продолжая разбор своим подсудным городам, составили в 1784 году из соединенных двух своих губерний новое Екатеринославское наместничество; и Кременчуг учрежден ему столицею.

Дела пробыли в сем состоянии до 1787 года, когда покойная императрица Екатерина великая, проезжая для обозрения Тавриды, ошастливила сей край своим присутствием. Она избрала верстах в двух отсюда, при красивом над Днепром местоположении, необитаемую гору и повелела создать тут новый город, даровав ему в наименование дражайшее свое имя паки Екатеринославля. Младенствующий Екатеринославль получил тогда, при рождении своем, и самое блистательное крещение. Ея величество и достойный ей сопутник император Иосиф положили священными руками два начальные камня к сооружению великолепнейшего храма... Старый город с другого берега Днепра перевезен сюда; появился огромный дворец, ценою стоящий до 120 тысяч рублей, дом губернаторский, английские при них сады, в коих каштановые, персиковые, априкосовые, тополевы и редкие деревья предстали к осенению террасов и аллей; построено несколько каменных судебных домов, и все обещало возвести его наверх величия и славы.

Наконец перемена обстоятельств переменяла и его состояние, опровергнув всю его надежду. Ныне начатой по горе город являет на пустырях готовящиеся к падению построения; наваленные камни лежат при его погребении, и оный, по многих своих странствованиях, преданный забвению, отделяется степью от определенного ему Предместья, который составляет теперешний город под названием уже Новороссийска.

Я часто слышал о купленной у князя Потемкина здешней фабрике и иду смотреть оную. Длинная улица представила мне множество деревянных и обветшалых построений, кои стоили казне, как утверждают, более 200 тысяч рублей, где также приписанные ремесленники, числом до 1500 обоого пола душ, имеют свои жилища. В одном отделении ткали на 60 стенах сукна, а в других на 80 — шелковые чулки, перчатки, колпаки. Странно, притом приятно видеть то ликую кучу людей в беспрестанном движении, несколько сотен вертящихся вокруг колес и слышать неумолкаемый стук. Но сколько усматриваешь тут бледных, томных лиц, сколько?.. Мне кажется, что изчислении употребленного на оную капитала, потерянных с него процентов, той пользы, которую работники принесли бы земледелием или другим каким упражнением, едва ли она не в убыток казне откроется. Надлежало бы, чтобы всякого рода фабрики отправлялись наемными вольною ценою людьми, дабы столь скучная и непрерываемая работа, собственное произволение имела себе в отраду...

Двухнедельное пребывание в сем городе меня с ним очень познакомило. Я бродил по улицам, не встречая нигде тени, в знойные часы страдал от чрезмерного жара, и униженные домики на единообразном положении имел всегда пред своими глазами. Я не понимал, почто на столь безвыгодном месте, при самом пределе губернии, тут, где никакая главная дорога не пролегает, утверждён был прежде губернский город.

Арбузы и дыни составляют многочисленный здесь торг, и их такое изобилие, что воловь фура стоит не более двух рублей. Нет прохожего, который бы не нес с собою арбуза, нет времени во дни, в которое бы сидящие в кружку крестьяне ими не прохлаждались, а многие, заедая оные хлебом, употребляют вместо обеда. Нищие и колодники получают их в подаяние, а в остроге составляют они безпрерывное лакомство».

Но недолго новый город, основанный с мыслью прославить имя императрицы

Екатерины II, носил название Новороссийска. Преемник Павла I Александр I, вступивший на престол марта 12 дня 1801 года, объявил, что он будет править по законам и по сердцу великой бабки своей Екатерины II». И он подтвердил свои слова делом. Указом от 8 октября 1802 года он повелел город Новороссийск вновь именовать Екатеринославом и Новороссийскую губернию — Екатеринославскою. Всю Екатеринославскую губернию разделил на три губернии: Николаевскую (через год переименованную в Херсонскую), Таврическую и Екатеринославскую с уездами Екатеринославским, Новомосковским, Павлоградским, Бахмутским и Ростовским.

В 1820 году в качестве поднадзорного изгнанника в Екатеринославе прожил 18 дней знаменитый русский поэт А. С. Пушкин. «Служа под знаменами либералистов,— говорит историк Н. М. Карамзин,— он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. Это узнала столичная полиция. В одно прекрасное утро полицеймейстер пригласил Пушкина к градоначальнику графу Милорадовичу. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказал полицеймейстеру ехать в его квартиру и опечатать там все бумаги. Пушкин, слыша такое приказание, говорит графу: *«Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумагу, и я здесь же все вам напишу»*. Милорадович, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнул: *«Ah, c'est chevalereque»* и пожал ему руку. Пушкин сел и написал все контрабандные стихи. Списал целую тетрадь.

На другой день граф Милорадович был у государя с докладом. Подал тетрадь и сказал: *«Здесь все, что расбрелось в публице, но вам, государь, лучше этого не читать»*. Государь улыбнулся на заботливость Милорадовича. Потом граф рассказал подробно, как было дело. Государь слушал внимательно и наконец спросил, что же он сделал с автором. «Я? Я объявил ему от имени вашего величества прощение». «Тут,— говорит Милорадович,— мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал: *«Не рано ли?»* Потом, еще подумав, прибавил: *«Ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и с соблюдением возможной благовидности отправить на службу на юг»*. Пушкину дали 1000 рублей ассигнациями, и он отправился по белорусскому тракту в город Екатеринослав.

По белорусскому тракту ехал в мае 1820 года товарищ его по лицу и друг Иван Иванович Пуштин. *«Белорусский тракт,— говорит он,— ужасно скучен. Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринослав. Спрашиваю смотрителя, какой это Пушкин. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич, едет, кажется, на службу на перекладных, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе»*.

Пушкин был командирован в распоряжение председателя «Попечительного комитета по устройству колонистов южной России», генерал-лейтенанта И. И. Инзова, при котором и должен был оставаться.

По приезде в Екатеринослав Пушкин посетил канцелярию «Попечительного комитета» раза три, из коих в один раз представился генералу Инзову. Все же время своего пребывания в Екатеринославе он посвящал катанью в лодке по Днепру и гулянию по лесам, так как все место, где теперь Соборная и Севастопольская площади, было покрыто дубовыми деревьями.

Но где же собственно жил Пушкин по приезде в город Екатеринослав?

Тут есть два мнения. Одни говорят, что Пушкин жил в самом городе, а другие утверждают, что он жил в предместье города, Мандрыковке. К сожалению, сам Пушкин нигде об этом не говорит.

Зачем было, говорят одни, Пушкину забираться в такую глушь, как Мандрыковка? Пушкину, получившему воспитание в лицее, привыкшему к известным культурным удобствам, Пушкину, который все-таки обязан был час от часу показываться в канцелярии «Попечительного комитета», которая находилась в самом городе. Он, несомненно, жил в самом городе. В доказательство приводится такое предание: «Известно, что в 20-х годах настоящего столетия по случаю болезни прожил в Екатеринославе от 2 до 3 недель знаменитый поэт А. С. Пушкин. Рассказывают, что он останавливался в доме Тихова, который содержал едва ли не лучший в то время постоялый двор. На дверях дома, говорят, было даже написано Пушкиным какое-то стихотворение. Дом этот теперь переделан и находится во владении Я.М. Михайличенко.

Там же, на так называемой Качельной площади, была тюрьма, откуда бежали два брата-разбойника, что внушило поэту написать поэму «Разбойники», о чем он писал князю П. А. Вяземскому: *«Вот тебе и «Разбойники». Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы».*

Другие, напротив того, говорят, что Пушкин по приезде в Екатеринослав, несомненно, прожил все 18 дней на Мандрыковке, а не в городе. Прежде всего, о каком тут можно говорить «лучшем в городе доме» и «лучшем постоялом дворе» Тихова, когда сам поэт, прибыв в Екатеринослав, писал своему брату Льву Сергеевичу: *«Приехав в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада».*

О неприглядной обстановке, в которой нашли Раевские Пушкина, говорит и доктор Е. П. Рудыковский, ехавший с генералом Раевским в качестве военного врача на Кавказ: «Едва я,— говорит он,— по приезде в Екатеринослав расположился, после дурной дороги, на отдых, ко мне, запыхавшись, вбегает младший сын генерала: *«Доктор! Я нашел здесь моего друга; он болен, ему нужна скорая помощь,— поспешите со мной!».* Нечего делать: пошли. Приходим в гадкую избенку, и там, на досчатом диване, сидит молодой человек, небритый, бледный и худой. *«Вы нездоровы?»* — спросил я у незнакомца.— *«Да, доктор, немножко пошалил, купался; кажется, простудился».* Осмотревши тщательно больного, я нашел, что у него была лихорадка. На столе перед ним лежала бумага.— *«Чем вы тут занимаетесь?»* — *«Пишу стихи».* Нашел, думал я, и время и место. Посоветовавши ему на ночь выпить чего-нибудь теплого, я оставил его до другого дня. Мы остановились в доме губернатора К. Поутру гляжу — больной уже у нас: говорит, что он едет на Кавказ вместе с нами. За обедом наш гость весел и без умолку говорит с младшим Раевским по-французски. После обеда у него озноб, жар и все признаки пароксизма. Пишу рецепт. *«Доктор, дайте чего-нибудь получше, дряни в рот не возьму».* Что будешь делать? Прописал слабую микстуру. На другой день закатил ему хины. Пушкин морщился. Мы поехали далее».

Генерал Н. Н. Раевский выхлопотал Пушкину отпуск, и 4 или 5 числа он вместе с Раевскими уехал на Кавказ.

Так, и по словам доктора Рудыковского, Пушкин жил в «гадкой избенке», а не в «лучшем постоялом во всем городе дворе». Но где же именно была та «гадая избенка» — в самом ли городе или на Мандрыковке,— доктор тоже не говорит. Определенно говорит бывший предводитель дворянства Екатеринославской губернии. Пушкин прожил в Екатеринославе в 1820 году дней 18, до приезда в Екатеринослав генерала Раевского, который со своим семейством проездом остановился в Екатеринославе по просьбе своего сына, хотевшего повидаться со своим приятелем Пушкиным. Они нашли Пушкина, по указанию

генерала Инзова, в доме, или скорее в домике, на Мандрыковке. Когда генерал Раевский с сыном вошли в комнату, то глазам их представилось следующее: Александр Сергеевич лежал на досчатой скамейке или досчатом диване. Он был болен. На Раевских он произвел удручающее впечатление при этой обстановке. При виде Раевских у него от радости показались слезы. Раевский выхлопотал ему отпуск, и 4 или 5 июня он вместе с ними уехал на Кавказ.

Мой отец состоял в то время при генерале Инзове— он и рассказывал мне обо всем вышеизложенном.

О том, что Пушкин жил на Мандрыковке, говорит также некий Григорий Мекленбурцев, пасынок князя А. Н. Аслан Гирея: *«Мой покойный отчим, князь А. Н. Гирей указывал мне место, где жил Пушкин. Жил он в доме Краконини, находящемся на Мандрыковке, против усадьбы моего отчима, князя Гирея. Усадьба, где жил Пушкин, прилегает к Днепру. В Мандрыковке, близ Днепра, находилась тюрьма, из которой во время пребывания Пушкина бежали два брата арестанта, побочные дети помещика Засорила. Ныне (т. е. в 1889 г.) усадьба принадлежит Кулабухову».*

Кто же такой Аслан Гирей? Во время русско-турецкой войны крымский князь Аслан Гирей, потомок крымских Гиреев, передался в 1829 году России со своим племянником. В 1835 году они оба приняли православную веру. Восприимным отцом Аслан Гирея был екатеринославский губернатор Никанор Михайлович Лонгинов. При крещении князь назван был Александром Никаноровичем. Племянник князя умер, а сам князь, получая назначенную ему пенсию 250 рублей в месяц, поселился на Мандрыковке. Приняв крещение, он женился на вдове Паулине Мекленбурцевой, присоединенной к православию и именованной Марией. Эта Паулина-Мария имела от первого мужа своего сына Григория Мекленбурцева, который и сообщал о том, что Пушкин действительно жил на Мандрыковке.

«Могу подтвердить,— говорит В. Татаренко,— верные указания Мекленбурцева о доме, где жил Пушкин. Он действительно жил на Мандрыковке... Бывший городской голова Кулабухов говорил лет 10 — 20 тому назад моему дяде фотографу Н. А. Иванову, что дом, в котором жил Пушкин, был разобран лет 40 тому назад его отцом ввиду его ветхости... В то время здесь находилась масса вековых деревьев, а недалеко протекал Днепр. Место это живописное. Мандрыковка вообще очень живописна, особенно в мае, когда все зацветет».

«Пушкина, как знаменитого поэта, уже знали и в Екатеринославе, и пребывание его в городе стало событием для людей, восторженно к нему относившихся. Одним из тех людей был тогдашний профессор Екатеринославской семинарии А. С. Понятовский. И вот он, в сопровождения богатого помещика С. С. Клевцова, надобно думать, такого же энтузиаста, отправляется его отыскивать. Находят. Входят в лачужку, занимаемую поэтом. Пушкин встретил гостей, держа в зубах булку с икрой, а в руках стакан красного вина. *«Что вам угодно?»* — спросил он вошедших. И когда они сказали, что хотели иметь честь видеть славного писателя, то славный писатель отчеканил им: *«Ну, теперь видели? До свидания!»*.

Приходится сожалеть, что и эти лица, посетившие Пушкина, не сообщили, где же именно они нашли его: в самом ли городе Екатеринославе или же в предместье его, Мандрыковке.

Если Пушкин жил не на Мандрыковке, а действительно в самом городе, то во всяком случае не «в лучшем постоялом дворе Тихова», потому что «жидовская хата, гадкая избенка, лачужка» — понятия несовместимые. Для точного определения местопребывания Пушкина в Екатеринославе нужны подлинные исторические данные. Но таких данных пока не найдено, а потому посылаться в таком случае на одни изустные предания нужно с большою оглядкой.

Нет ни единого письма Пушкина, в котором бы он писал кому-либо из друзей о

Екатеринославе. Не видно, чтобы он осматривал дворец генерал-губернатора или же был на суконной фабрике с ее трехтысячным населением. «Конечно, в таком маленьком городке, говорят, каким был в то время Екатеринослав, наличие такого громадного предприятия не могло не остановить на себе зоркого внимания Пушкина, кстати сказать, настроенного, революционно. Отсюда есть основание предполагать, что он наглядно и, быть может, впервые «познакомился с бытом фабричных рабочих». Возможно, что Пушкин слышал и о тех восстаниях крестьян против помещиков, которые в то время широкой волной разлились по окружающим город Екатеринослав деревням — все это возможно предполагать, но утверждать это можно будет лишь тогда, когда будут найдены подлинные архивные на то указания.

Самый город Екатеринослав, видимо, ничем не поразил Пушкина. В то время в нем было всего населения 2555 мужчин и 2247 женщин, домов 1095, из коих казенных 13, общественных 3, церквей 3, одно богоугодное заведение, одна гимназия, одна семинария и одно уездное училище.

Старожилы Екатеринослава, жившие в городе около того времени, когда в нем находился Пушкин, описывают город так.

«Тут, где теперь город, были болота и непролазные камыши. Город сей небольшой и помещался внизу. Хаток было мало. Только тут, где теперь Рохлин, были деревянные хатки, крытые соломой да камышом, а там, где Раскольниковый садок, там было болото и рос лесок, а дальше везде камыши, в которых водились волки. Страшно было и жить. Волки таскали овец не только ночью, хватали и днем. Потягне звірюка вівцю, то ти його й не чіпай. Скот всегда пасли на горе, а как только спустишься вниз, под гору, туда, где теперь пристань, так и беда: от зверя не отобьешься. Сказано: волка столько было, что и волчьи сапоги носили и в волчьих кожухах ходили. На горе, где стоит Катерина, там была такая высокая трава, что если кто бывало едет верхом на лошади, то травы по брюхо лошади. И везде тут была такая же трава. Везде косили сено. Росли тонконог и тырса, а потом уже пошел бурьян; тогда, как стал селиться народ, выкинулся молочай. Теперь так и того нема: побивали так, что часто травы и совсем не бывает. Где они, те травы, и подевались? Точно их тут никогда и не бывало».

«В городе Екатеринославе я родился и теперь в нем живу; на днях 80 годиков стукнуло, как живу на белом свете. Екатеринослав теперь называется городом, а раньше он прозывался слободкой. Тогда каменных зданий не было, а были везде разбросаны убогие деревянные лачужки. Начиная от теперешней городской управы и до самых боень и даже дальше тянулся длинный лес и густой терновник. На том самом месте, где теперь городская управа, был большой овраг, и там, где теперь реальное училище, был базар. Потом на том же месте был большой деревянный театр. Немного выше была пустошь. Ярмарочная площадь в то время была голая степь: ни единого домика, не было еще ни собора, ни богоугодного заведения... С 1830 до 1836 года строились здания богоугодного заведения под наблюдением архитектора Николая Грязнова, при котором эти постройки и закончились... Я помню (еще) два больших наводнения в 1835 и 1845 годах. Вода доходила до того места, где теперь дом Климова и до теперешнего дома Трифонова на Качельной площади. Дубы свободно приставали к этим новообразовавшимся берегам, а по канавам свободно проходили барки».

«В Екатеринослав я переехала в 1824 году, с моею матерью и зятем, по приглашению преосвященного Феофила, который был родной брат моей матери; нам было отведено помещение при архиерейском доме, и мы пробыли тогда в Екатеринославе недели две; из тогдашних моих впечатлений осталось в памяти немного. Помню, что меня поразили тогда пустыньность и разбросанность города, его ветхие, низкие постройки, огромные рытвины и очень крутой и трудный подъем на гору. Помню еще случай с нами при отъезде из Екатеринослава: нас провожало несколько человек из приближенных дядюшки. При въезде на

мост все остановились и начали прощаться с нами, причем провожавшие подошли все с одной стороны экипажа, куда и мы обратили все свое внимание, а фабричные рабочие сей час воспользовались этим и вытащили из экипажа чемоданчик нашего зятя. Нас и предупреждали, что вечером близ фабрик ни проходу, ни проезду не было: грабеж был полный, и несмотря на то, что мы ехали среди бела дня, все же не минули общей участи. Говорили тогда, что ловкость фабричных была такова, что они отрезывали воротники шинелей и шуб у мужчин, скакавших чуть не в карьер мимо фабрик. Не знаю, правда ли, но тогда все обвиняли за эти разбои генерала Назимова, заведывавшего фабриками.

В следующем году я приехала в Екатеринослав совсем, вышедши замуж за С. С. Молчанова, который служил тогда в консистории и был регентом архиерейского хора. Мы поселились в доме, выстроенном преосвященным Феофилом. Этот дом стоит и поныне на углу Проспекта и Волосской улицы... Поселившись в верхнем этаже дядюшкиного дома, я стала осматривать, точно с каланчи, свое новое местожительство. От нашего дома до Александровской улицы строений не было; на запад тоже была степь и провалья; выше нас был плохенький домик мещанина Бондарева, а за ним, порядочно отступя, старое, некрасивое здание семинарии. По другую сторону большой улицы — площадь, на которой по воскресеньям собирался базар; на этой площади, над самыми провальями, где сад г. Кнотте, стояло несколько качель, а там, где дом г. Лабинского, несколько деревянных лавочек, где на ярмарку располагались краснорядцы; дальше, по направлению к дворцу Потемкина, стояли прямо на степи четыре дома межевого ведомства; при них не было ни забора, ни деревьев. Ниже базарной площади был дом губернаторский — большое, но низкое и ветхое деревянное здание с крыльцом в сад, который был там, где ныне реальное училище; самый дом губернаторский был в глубине двора, а на улицу стояла конюшня с широким окном, чрез которое конюхи выбрасывали навоз прямо на Проспект, где его накопились огромные кучи. Нижнего города я могла из своего окна видеть только дальнюю часть, а ближайшая заслонялась выпуклостью горы, которая до проведения шоссе и бульваров была очень высока; за нею было огромное провалье, где ныне дума, а где дом Пронина, там была балка и в ней «степная криница», откуда нам носили воду. Когда впоследствии строили дом, где дума, то работы там было страшно много: с одной стороны срезывали бугор на месте думского двора и двора казначейства и заваливали провалье, где сараи пожарной команды, а с другой стороны на месте будущего дома вынимали из провалья наносную глину и только докопавшись до твердого грунта, начали ставить фундамент, засыпая его изнутри и снаружи всякою всячиною, так что фундамент этого дома, пожалуй, больше, чем высота самого дома.

Припоминаю время первой холеры, когда город наш оцепили: ни в город, ни из него никого не пропускали, улицы также перегородили. Поднялся в городе целый содом. Все овощи и фрукты воспрещено было продавать, а их как нарочно в тот год была масса. Эта первая холера была страшна особенно тем, что ее приняли за чуму: к заболевшим боялись подходить, хоронили без гробов, по несколько трупов бывало везут на тачках и хоронят вместе... Помню, как однажды зимой у кого-то из мещан успенского прихода угорели двое детей — мальчик и девочка; доктора не позвали — докторам тогда не доверяли, а, приняв их за мертвых, по тогдашнему обычаю в тот же день вынесли их на ночь в Успение—тогда еще старую деревянную церковь; ночью была мятель, и под церковные двери напорошило снегу; утром отворяют двери и видят на снегу детские ступни; входят в церковь, а бедные дети лежат в одном гробике, замерзли, и видно, что брат, старший из них, старался своею одеждою прикрыть сестренку. Весь город тогда перебивал в Успении...

На следующий год зимой, в январе месяце, было у нас землетрясение, сильно напугавшее всех нас. Под вечер сижу я в спальне и дитя кормлю, вдруг чувствую, что вокруг меня качнулось, двери в соседних комнатах закрипели и затворились, чайная посуда зазвенела. Мой муж, крикнув старшим детям, чтоб они молились богу, выбежал на галерею. Но, слава богу, колебание больше не повторилось. На Другое утро ко мне приходила знакомая и

рассказывала, как она испугалась этого колебания и как у неа деньги, поставленные на столе столбиками, рассыпались и разбежались по комнате... Сообщение нашей горы с нижним городом улучшилось с приездом губернатора Фабра, который в губернаторском доме жил не более месяца, а затем нанял квартиру в верхнем этаже дома Мунштейна, а губернаторский дом тотчас сломали. Затем начали срезывать гору. Начиная от нынешней семинарии и вниз до казначейства, начали орать улицу в несколько плугов, а потом сбивали короткими перекладами по две доски, положенные ребром; к концам этого ящика припрягали по несколько волов и стаскивали взоранную землю вниз; потом снова орали и стаскивали землю, и так продолжали до тех пор, пока срезали весь бугор. Тогда закипела новая работа: одни перила ставят, другие шоссе прокладывают, а третьи деревья сажают. Фабр все, бывало, сидит на балконе и наблюдает за работой.

Деревья на бульваре все хорошо принялись, и тут-то открылась настоящая война против коров и свиней. Зачастую, бывало, видишь, как свинья возвращается с бульвара и тащит за собой внутренности, Многим тогда пришлось распродать своих свиней и коров, а в том числе и мне, потому что, вследствие моего ближайшего соседства с Фабром, даже куры мои были постоянно под его строжайшим наблюдением.

На следующую весну зацвела сирень, и тогда открылась война против любителей даровых букетов. Чуть свет, Фабр уже гуляет по бульварам и излавливает желающих воспользоваться сиренью. Не раз случалось, что он приводил за уши в уездное училище парочку «уездников», вызывал зрителя и кричал, чтоб он их сейчас же выпорол за порчу растений, а затем, уходя, на ухо зрителю говорил, чтоб он их поугал, а сечь, мол, не надо. Очень заботился он о своем бульваре, зато и бульвар вышел на славу: пирамидальные тополи были на всем протяжении вперемежку с кленами, между каждыми двумя деревьями — огромные кусты сирени, так что идешь по бульвару, как по коридору, и тень была и прохлада.

На месте нашего города встарь, должно быть, было настоящее сражение, иначе откуда взялись бы в моем дворе в таком огромном количестве шарообразные свинцовые пульки, величиной в лесной орех, с маленьким бугорком с одной стороны; и если этот бугорок срезать, то в нем заметна небольшая дырочка. Я знаю, что в моем дворе до меня никто не жил, я поселилась в только что отстроенном доме; двор представлял собой кусок степи, только что отгороженной, и часть двора, более удаленная от дома, очень долго сохраняла характер степи по своей траве и степным цветам; на этой-то половине двора дети мои, а потом внуки после каждого дождя, смывавшего верхнюю пыль, находили по целой горсти этих пулек.

В первые годы жизни моей в Екатеринославе мне не раз приходилось слышать, что из дворца Потемкина есть к Днепру подземный ход... В начале шестидесятых годов, когда новые обвалы провалья подошли близок к юго-восточному крылу дворца, тогда еще стоявшему в полуразрушенном виде, открылось отверстие подземного хода, выложенного из кирпича в виде арки; многие пробовали входить в него, но дальше 10 сажен не могли, потому свечи и фонари гасли и дышать было очень трудно. Когда я высказывала мнение, что это, должно быть, труба для отвода нечистот, то мне возражали, что такие трубы никогда не делались, что подобной трубе не нужно было бы давать изгибов, как здесь, и что она шла бы прямо из-под дворца, а этот ход шел сначала на юг, а потом поворачивал под прямым углом к Днепру.

До конца пятидесятых годов не знали, что под средним корпусом дворца есть подвальный этаж, потому что со стороны сада земля возле дворца была высока и скрывала под собой двери; а когда одним летом жил во дворце предводитель дворянства г. Миклашевский, то эту землю приказано было срезать, чтобы возле дома развести цветник; и тогда были открыты двери в подвальный этаж, в одной из комнат которого, говорят, было найдено какое-то старое оружие и два скелета».

Глава VII

Во время управления архиепископа Феофила Татарчевского, то есть с 1823 года по 1827 год, в нижней части города Екатеринослава была церковь во имя успения богородицы, заложенная в 1796 году и просуществовавшая до 1850 года. О том гласит надпись, сделанная на свинцовой доске, найденной под жертвенником церкви:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь. Основана сия церковь в губер. г. Екатеринославе. Во славу Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. В честь и память Успения Пресвятыя Богородицы; при державе благочест. Самодер. Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны втор.; Благосл. Преосв. Гавриила митрополита Екатеринославскаго и Херсонеса Таврическаго, иждивением Государств., а старан. благопеч. Его Высокопреосв. Гос. генерал Поручика Правителя Екатеринославскаго намести, и разн. орденов. Кавалера Иосифа Ивановича Хорвата 1896 г. 1-го месяца Августа 31 д. в день празднования положения честнаго пояса Пресвятыя Богородицы. Церемонию совершал соборне священник Герасим Мартынов. За совершенную ветхостию бывши на сем месте деревянной церкви, по Указу Святейшаго Правительствующаго Синода от 31 Мая 1883 г. заложена вблизи оной новая каменная во имя Успения Божия Матери церковь Июня 18 дня 1839 года, которая потом старанием и иждивением прихожан окончена в 1850 г. и соборне освящена того же года Ноября 26 дня. По благословению Преосвященнейшаго Инокентия Епископа Екатеринославскаго и Таврическаго Ректором Семинарии Архимандритом Иоанном совместно с священнослужителем Успенской церкви».

В 1795 году марта 10 дня Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор граф П. А.Зубов предписывал Екатеринославской казенной палате отпустить сумму денег 49 000 рублей в распоряжение правителя Екатеринославской губернии, генерал-майора Хорвата, на которого возложено построение малой каменной церкви в губернском городе Екатеринославе с тем, чтобы тот «отпуск не сделал остановки другим нужным расходам».

Выдана ли была такая сумма денег в распоряжение генерал-майора Хорвата и приступлено ли было к сооружению каменной церкви в городе Екатеринославе, неизвестно. Нужно лишь знать то, что уже в следующем 1796 году, после кончины Екатерины II, граф Платон Зубов лишен был звания Екатеринославского, Вознесенского и Таврического генерал-губернатора и вместе с тем издан был указ преемником Екатерины, Павлом I, о сокращении расходов по устройству Новороссийского края.

Как бы то ни было, но на нижней части города Екатеринослава был деревянный храм, заложенный уже в 1796 году, а на нагорной части города не было ни каменного, ни деревянного.

По плану, утвержденному императрицей Екатериной II, все правительственные учреждения в Екатеринославе должны были находиться на нагорной части города. Но из всех сооружений лишь два — каменный генерал-губернаторский дворец и близ него деревянный дом губернаторский — стояли долго в одиночестве на горе, поросшей высокой и густой травой. Только спустя 48 лет на нагорной части города Екатеринослава сооружено было новое здание — Преображенский кафедральный собор. Но был ли то собор, заложенный в 1787 году на 12 престолов, величайший из всех христианских храмов в свете? Стоило много хлопот и много усилий местному архиепископу Гавриилу Розанову и местному населению города Екатеринослава добиться получить средства от правительства на сооружение собора. А как это совершилось, о том пишет сам архиепископ Гавриил, первый историк нашего Новороссийского края:

«Аз видех и свидетельствую: в 20 день апреля 1830 года, погода была сухая, день ясный, теплый, только ветренный. Тогда в четыре часа пополудни, при собрании почетного

дворянства, знатного купечества и прочих сословий, сделано очертание нового строения имевшего собора. Глава положена во главу, т. е. престол назначен совершенно на том же месте, где оному быть назначили при первом заложении собора; а пространство в стенах сокращено сообразно вновь созданным плану и фасаду. Поле открылось, дан знак, и делатели приступили к своему орудию. Тот час начали копать рвы для построения, во-первых, фундамента церковного, что для мастеров было не без особенного затруднения; ибо им следовало из старого фундамента выбрать столько камня, сколько надобным казалось для фундамента нового, и потом из тех же камней, крепко склепившихся между собою, строить новый фундамент.

При сем случае за важнейшее почтено: дойти в старом фундаменте до той глубины, где напечатлены следы августейших рук покойной государыни императрицы, т. е. где лежат драгоценные монеты, собственную Ея Императорского Величества десницею, при первой торжественной храма Преображения Спасителя закладке, положенные, сколько в подражание общему древнему христиан обычаю при таких случаях, столь наиболее во свидетельство потомству особенных ея благотворении и милостей Екатеринославу. Радостию озарились лица, вместе же с тем и трепетом объялись некоторых души. Нашли во-первых ярко вызолоченную медную доску с вырезкой на ней, потом все положенные монеты, всего суммою на шестьдесят семь рублей... Далее шел бут или фундамент обыкновенный.

Вынутые из земли вещи были предметом общего любопытства до 22 дня следовать имевшего мая месяца (1830 г.), а на сие число, при вторичной закладке храма, они снова и в новый положены фундамент точно тем порядком и таким же образом, как лежали прежде, с присовокуплением только к ним нескольких новых монет, в том числе одного серебряного рубля 1830 года. На обороте той же самой вызолоченной медной доски вырезано вновь: «Николай I храм Преображения Спасителя нашего воздвиг на сем месте повелением своим и щедротами, 1830 года, мая 22 дня».

На постройку храма казна ассигновала 178 246 рублей 50 копеек ассигнацией, а в действительности постройка обошлась в 300 000 рублей. Недостающую сумму, около 100 000, дало население города Екатеринослава.

Заложенный кафедральный собор совершенно окончен был в 1835 году 9 мая. Вместо 12-престольного — трехпрестольный, очень скромный размерами.

Для увековечения события сооружения храма архиепископ Гавриил поставил в соборной ограде большую мраморную, с четырехконечным крестом, колонну, вывезенную из древнего Херсонеса Таврического, где принял крещение киевский князь Владимир. На медной доске, прибитой к постаменту, на котором стоит колонна, вырезана надпись: «В память благочестивейшей Государыни Императрицы Екатерины П-я, положившей здесь в 1787 году собственною своею десницею первый камень в: основание соборного сего храма, совершившагося щедротами благочестивейшаго Государя Императора; Николая I. Колонна из древняго Таврическаго Херсонеса, откуда проистек на Россию свет Христов. 1835 года месяца Мая 9 дня».

По тому же плану Екатеринослава 1787 года на нагорной части города, кроме собора, должен быть еще «вели коланный университет». Но если собор, хотя далеко не грандиозный, но все же есть, то университета в то время никто не видел. Вместо университета указом 1792 года повелено было открыть в Екатеринославском наместничестве народные училища. «Господин генерал-майор Екатеринославский губернатор Коховский,— писала Екатерина,— повелеваем вам открыть народные училища в Екатеринославском наместничестве на основании изданного об оных устава, для чего и отправлен к вам с данным из комиссии о училищах наставлением, надворный советник Бебер, которому и производить жалованья по

тысячи рублей на год, к лучшему сего дела успеху имеете, преподать все зависящее от вас способствовать, по установлении сих училищ имеет он отправиться для равного оных в область Таврическую».

До назначения на должность директора народных училищ в Екатеринославском наместничестве надворный советник Иван Иванович Бебер состоял «по инспекторской должности в артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе». Ему предписано было сдать должность определенному вместо него армии премьер-майору Петру Массону, «и что будет сдано Бебером, а Массовом принято, подать за общими руками ведомость».

Мая 12 дня 1792 года пребывающий у доклада дел Ея Императорского Величества генерал-майор Василий Степанович Попов писал из Царского Села Беберу: «Препровождаю при сем два письма: одно к Петру Ивановичу Мелиссино о назначении вашем, другое к Петру Васильевичу Заводовскому об отправлении, с надлежащим наставлением, в Екатерине слав, к открытию и управлению народных училищ. Я не премину снабдить вас рекомендациею к господину губернатору и уверяю вас, что вы найдете в нем благодетеля и покровителя вашего».

Мая 31 дня 1792 года управитель всех учебных заведений в России и составитель для них уставов, впоследствии граф и министр народного просвещения П. В. Заводовский сообщил Екатеринославскому губернатору В. В. Коховскому о том, что, исполняя высочайшее повеление, он отправляет в Екатеринослав четырех человек учителей, называя их по именам и самые их науки, вместе с тем посылает высочайше утвержденный устав, заключающий в себе все то, что касается основания училищ, содержания их, управления и распространения, дает на руки учебные книги и принадлежащие к оным вещи коллежскому асессору Беберу, всемилостивейше избранному на должность директора училищ Екатеринославской губернии. При этом высказывает такие мысли. С одной стороны, заведение школ, как способствующее народному просвещению, представляет свою важность, с другой стороны, пособия к оному, как они немаловажны бывают, могут иногда представлять большие, по хозяйственной части, затруднения. В таких случаях следует привлекать самих граждан. Известно, что в тех губерниях, где уже есть народные училища, некоторые граждане, ревнительные об общем благе, добровольным подвигом, одни выстроили школы, другие отдали свои дома под школы, многие и денежные подаяния учинили. «Подвигнуть подобное благотворение средствами, поощряющими усердие и благость, будет делом вашего благоусмотрения». К открытию главного училища потребные для него книги посылались в достаточном количестве. Снабжение книгами как екатеринославского главного училища, так и разводимых от него, впредь будет состоять на попечении Приказа Общественного Призрения, как о том изображено в уставе, в параграфе сто третьем. Приказ будет закупать на наличные деньги в лавке книжной комиссии об учреждении училищ, здесь находящейся. Комиссия, со своей стороны, в пособие Приказу, при сих покупках, будет уступать в пользу училищ по 25 копеек с рубля, буде покупки те не меньше ста рублей, полагая уступку как на издержки по провозу, так и на раздачу некоторых книг безденежно бедным ученикам.

«Нахожу еще за нужное вашему превосходительству мое разсуждение донести: хотя главным училищам положено быть везде по губернским городам, но буде в вашем, по новости его, окажется столь малое количество учеников, что училища открыть бы было некем, то от благоусмотрения вашего превосходительства зависеть будет избрать и назначить к тому другой какой губернии вашей город, где бы оно на первое время могло быть открыто с большею пользою и удобностию для жителей, а со временем перенестися, где быть ему следует».

При письме П. В. Заводовского В. В. Коховскому приложен именной список учителей с указанием на то, чему каждый из них будет учить. Василий Якубовский обучать будет в классах 3-м и 4-м арифметике, геометрии, механике, архитектуре гражданской, физике и языкам — латинскому и российскому. Данило Саевский — в классах 3-м и 4-м — географии,

истории политической и естественной. Иван Савастьянов всем предметам 2-го класса. Савва Белецкий всем предметам 1-го класса и притом рисованию во всех классах. О законе божием не сказано ни слова. Тут же прилагалась и «роспись» книгам и другим учебным пособиям для главного народного училища в Екатеринославе. 1. Буквари. 2. Правила для учащихся. 3. Руководства к чистописанию. 4. Сокращенные катехизисы без вопросов. 5. Сокращенные катехизисы с вопросами. 6. Пространные катехизисы. 7. О должностях человека и гражданина без вопросов. 8. О должностях человека и гражданина с вопросами. 9. Арифметика, часть I. 10. Арифметика, часть II. 11. Священная история. 12. Грамматика российская. 13. Краткое землеписание Российского государства с картами. 14. Всемирная история, часть I. 15. Всеобщее землеписание. 16. Изъяснение евангелия. 17—22. Руководства к геометрии, физике, механике, архитектуре, гражданской математической географии. 23. Таблицы азбучные церковные. 24. Таблицы азбучные гражданской печати. 25. Таблицы для складов всех трех печатей. 26. Естественная история, часть I. 27. Естественная история, часть II. 28. Фигуры, принадлежащие ко второй сея книге. 29. Прописи. 30. Пространное землеписание Российского государства. 31. Зрелища вселенныя с латинским. 32. Зрелища вселенныя с французским. 33. Уставы народным училищам. 34. Руководства учителям. 35. Растущего винограда для будущей библиотеки. 36. Атлас российский малый. 37. Ландкарт планиглобий Америки Южной и Северной. 38. Генеральная карта Российской Империи. 39. Европейский атлас, часть I. 40. Глобус земной. 41. Глобус небесный. 42. Камера обскура с прибором. 43. Готовальня. 44. Геометрическое тело. 45. Архитектурные чертежи: геометрические фигуры и обломы. 46. Пьедесталы и карнизы Тосканского ордера. 47. Дорического. 48. Ионического. 49. Коринфского. 50. Римского. 51. Окошки пяти ордеров. 52. Планы архитектурные. 53. Разные рисунки. Сверх сего один экземпляр Сравнительного словаря всех языков и наречий безденежно для будущей библиотеки.

Часть книг куплена по продажным ценам, часть — по двадцати процентов уступки с рубля. За ящики, ценовки, веревки, за укладку и обшивку. Всего 1493 рубля 85 копеек.

Июня 24 дня того же 1792 года Екатеринославский вице-губернатор Иван Тибекин, находившийся в то время в Петербурге, писал Екатеринославскому губернатору В. В. Коховскому о том, что «пребывающий у доклада при Ея Императорском Величестве генерал-майор Василий Степанович Попов «словесно» передал ему о посылке в Екатеринослав четырех учителей народных школ, определенных в Екатеринославскую губернию. Вместе с учителями отправлены четыре ящика книг; извозчикам за доставку книг, по уговору следует уплатить 105 руб. на месте, по доставке; договор с извозчиками вручен первому из учителей Василию Якубовскому».

По прибытии в город Екатеринослав директор народных училищ Екатеринославского наместничества, надворный советник и кавалер Иван Бебер подал нижеследующее «представление» в Екатеринославский Приказ Общественного Призрения апреля 14 дня 1793 года: *«Каковы получил я от господ генерал порутчика и кавалера Петра Ивановича Мелиссино ордер, а от генерал майора и кавалера Василия Степановича Попова письмо о следовании мне в Екатеринославскую губернию для открытия и управления народных училищ, при сем в копиях для надлежащего сведения в Приказ Общественного Призрения препровожая. Иван Бебер».*

Что же такое Приказ Общественного Призрения, которому директор народных училищ Бебер писал свое представление?

О Приказе Общественного Призрения в Екатеринославе первое указание находим в ордере князя Потемкина 1788 года октября 22 дня.

Это финансово-кредитное, а больше того общегуманное учреждение. Он оказывал услуги землевладельцам, выдавая им ссуды под населенные и пустопорожные имения или

ссуды пострадавшим от чумных эпизоотии, принимал денежные вклады на короткие или на длинные сроки, даже на вечные времена, уплачивая проценты, имел даже сберегательную кассу для желающих сделать маленькие сбережения.

Приказ Общественного Призрения занимался также устройством в городе школ, больниц, богоугодных заведений, аптек, ведал сиротскими домами, призревал подкидышей.

Управление Приказа было сословие-коллегиальное под председательством губернатора, представителей от дворянства, купечества, мещанства и крестьянства. От правительства в Приказ назначался, кроме того, непременный член. Штат Приказа состоял из секретаря, бухгалтера, контролера, трех столоначальников и нескольких писцов. Обороты по кредитной части были очень значительные и доходили до нескольких миллионов рублей. В Екатеринославе в указанное время Приказ помещался в деревянном домике с большим садом, на углу Успенской площади, принадлежавшем домовладельцу П. Т. Волоцкому.

Естественно, что прибывший из Петербурга в Екатеринослав директор народных училищ должен был подать представление в Приказ Общественного Призрения, как единственному в то время кредитному учреждению в городе, которое ведало между разными делами также и учебно-воспитательным делом.

Открытие главного народного училища в наместническом городе Екатеринославе последовало 17 апреля 1793 года. Для того была открыта комиссия под председательством тайного советника П. В. Заводовского при губернаторе В. В. Коховском.

Это событие было очень важным в жизни Екатеринослава, вследствие чего оно произошло при особенных церемониях, привлечших всех граждан.

Семнадцатого апреля, в 10 часов утра, по предварительному извещению от городской полиции все члены губернских присутственных мест и знатные дворяне собрались в доме губернатора В. В. Коховского, а от него в сопровождении обоюбого пола дворянства, духовенства, купечества и других граждан города отправились в назначенный для училища дом, где все были встречены директором училища Бебером, членами общественного приказа и другими лицами. При входе в училищный зал губернатора члены магистрата от лица граждан поднесли ему хлеб-соль. В училищном доме директором училищ и после него учителями были произнесены речи. В то же время директор училищ представил губернатору детей, изъявивших желание поступить в народное училище. Сначала записано было 25 мальчиков, а при начале учения уже было 36. На третий день после торжества начались уроки.

После Бебера директорами главного народного училища последовательно были Ф. Н. Пугачевский, Т. П. Мищенко и Д. Т. Мизко.

Первые четыре года своего существования училище помещалось в частном доме, нанимаемом от Приказа Общественного Призрения. Но так как тот дом стоял на горе, вдали от центра города и мало приспособлен был к училищным потребностям, то в 1797 году, по просьбе учителей, обращенной к губернатору И. Я. Селецкому, училище переведено было в нижнюю часть города, в дом, принадлежащий Приказу Общественного Призрения.

Главное народное училище просуществовало с 1793 года по 1805 год, когда открыта была екатеринославская гимназия.

Первым директором гимназии был доктор изящных наук, действительный статский советник Дмитрий Тимофеевич Мизко. В истории просвещения края Мизко играл большую роль. Биограф Д. Т. Мизко Д. Рябинин говорит, будто бы Мизко был из австрийских славян 3.

Неизвестно, откуда взято это сведение, но уже в 1556 году в истории запорожских Козаков известен был козак Миско Ескович, то есть Михаиле Ёсипович, который под командой знаменитого князя Д. И. Вишневецкого, в народной поэзии Банды, выступал в походах на низовьях Днепра против татар, а потом ездил послом от князя Вишневецкого в Москву к царю Ивану Васильевичу Грозному.

С 9 ноября 1803 года Д. Т. Мизко был директором народных училищ; с 1805 года директором екатеринославской гимназии, в какой должности состоял по февраль месяц 1831 года. Оставил после себя много речей, которые печатались в Харькове. Преемником Д. Т. Мизко был Аким Яковлевич Ковалевский.

Торжественное открытие гимназии совершено было 1 августа 1805 года, в присутствии местных дворян, почетных граждан и представителя от Харьковского университета профессора А. И. Стойковича, местного губернатора фон Берга и губернского предводителя дворянства В. И. Шостака. Профессор А. И. Стойкович прочел «Предварительные правила народного просвещения» и «Соответственные статьи из высочайше утвержденных уставов Харьковского университета и учебных заведений». После профессора А. И. Стойковича произнес речь директор гимназии Д. Т. Мизко. За директором произносили речи учителя Федор Петрович Одинец-Заставский на французском языке, Василий Семенович Якубовский на русском и Канжаке на французском. Учитель рисования Репнин поднес представителю от Харьковского университета профессору А. И. Стойковичу написанную им самим картину в память этого события для представления ее университету. В заключение церемониала профессор Стойкович прочел имена учителей Екатеринославской гимназии и при ней уездного училища, назначенных Харьковским университетом.

Федор Одинец-Заславский — преподаватель чистой и прикладной математики и временно французского языка. Кроме того, ему же поручено было через год преподавание введенных в курс наук екатеринославской гимназии артиллерии и фортификации (с прибавкой жалованья). Далее Василий Якубовский — преподаватель физики, российской словесности, начал философии и латинского языка. Иван Савастьянов — географии и истории всеобщей и Российского государства. Готлиб Конжаке — немецкого языка и Федор Репнин — рисования. После чтения хор певчих пропел с музыкой кант, сочиненный на случай торжества самим губернатором фон Бергом.

Торжество окончилось завтраком, устроенным гимназией своим гостям, и обедом, данным тому собранию губернатором с музыкой и пением кантов. Вечером в тот же день шла в малом благородном театре драма «Торжество благодарности». Оба училищных дома и весь город были два дня иллюминированы. Перед домом гимназии, кроме того, была освещена прозрачная картина, представлявшая в верхней части славу, держащую в правой руке вензелевое имя Александра I, а в левой — трубу, возвещавшую благоденствие России. В стороне картины были изображены науки в виде престарелой женщины, открывавшей завесу, за которой видны тайны природы. Внизу же картины представлена одна из 9 муз — муза истории Клио со свитком в руке; увенчанная лавровым венком и держащая на коленях раскрытую книгу, в которую вписаны имена просветителей России — царя Петра I, Екатерины II и вносится имя Александра I.

Для гимназии, по ходатайству директора Д. Т. Мизко, екатеринославское дворянство предложило свой деревянный одноэтажный дом с прилегающими к нему строениями на Клубной улице, близ Днепра. Дом этот не сохранился до нашего времени. На его месте теперь лесные склады и каменный дом купца Н. Хренникова.

Июня 10 дня 1843 года последовало высочайшее утверждение на постройку нового здания для гимназии и благородного при ней пансиона. На плане города Екатеринослава оно

должно быть, как отметил собственноручно Николай I, на площади против богоугодного заведения, имея с левой стороны Преображенский собор, а с правой — памятник Екатерине II. Предполагалось, что здание будет колоссальное и будет служить украшением всего города. На сооружение его предполагалось отпустить 120 908 рублей 60 копеек. В действительности на него издержано 83 858 рублей 97 ^{1/4} копейки. Окончено оно архитектором Скотниковым мая 29 дня 1861 года.

В каждом губернском городе, кроме гимназии, полагалось быть еще и духовной семинарии. За отсутствием в только что народившемся городе Екатеринославе какого бы то ни было здания для семинарии она временно была помещена в городе Полтаве, из Полтавы была переброшена в захолустный город Новомиргород Херсонской губернии; а из Новомиргорода уже была переведена в город Екатеринослав. Основателем Екатеринославской духовной семинарии был первый в этой губернии архиепископ Евгений Булгарис. Евгений Булгарис сперва открыл в 1777 году в Полтаве при Крестовоздвиженском монастыре школу для 10 мальчиков, певчих своего хора, и поручил архимандриту Феоктисту учить их латинскому языку, краткому катехизису, арифметике, географии и истории. Не довольствуясь такой школой, Евгений Булгарис в том же году, февраля 4 дня, отправил прошение в Святейший синод, прося у него благословения уже на открытие епархиальной семинарии. Не теряя времени, он стал приискывать в городе и помещение для будущей семинарии. Он остановил свое внимание на пустом доме бывшего малороссийского гетмана, графа Кирилла Григорьевича Разумовского, стоявшем возле Преображенской церкви, и обратился к владельцу его с просьбой уступить тот нежилой дом под семинарию. Граф Разумовский не отказал просителю. Однако после тщательного осмотра того дома оказалось, что в нем не было ни оконниц, ни дверей, ни полов, ни печей. Для ремонта такого дома требовалась значительная сумма денег. Но и это не остановило энергичного Евгения Булгариса. Он прежде всего сделал заем у Крестовоздвиженского монастыря; потом обратился за помощью к дворянам, купцам и духовенству; кроме того, обратил на училище еще так называемые штрафные деньги, которые собирались консисторией. Наконец, увеличению материальных средств училища и числу учеников способствовало еще и то, что в нем учились не только дети духовных, но и дети дворян и купцов: богатые отцы светского звания, отдавая детей в училище, иногда делались кураторами, то есть попечителями его, как, например, бунчуковый товарищ Петр Паскевич.

Тем временем в 1779 году октября 27 дня пришло разрешение от Святейшего синода на открытие духовной семинарии, которая должна была именоваться Словенской. На содержание ее определялось ежегодно из государственного казначейства 2000 рублей.

Преподавание в семинарии началось в 1780 году. Первыми преподавателями были протоиерей Иоанн Святайло — греческий язык, священник Григорий Богуновский — риторика и пиитика, Петр Атон — французский язык, профессор Лейпцигского университета Шаль — немецкий язык и арифметика, отставной поручик фон Роткирх — рисование. К этим наукам потом прибавились философия и богословие. Преподавание шло на латинском языке.

С 1786 года местному архиерею приказано было именоваться Екатеринославским и Херсонисо-Таврическим, а духовной семинарии — Екатеринославской. Они все еще оставались в Полтаве. В 1797 году декабря 21 дня последовал указ Павла I покинуть Полтаву, перенести свое местопребывание в город Новомиргород и самому архиепископу именоваться Новороссийским и Днепровским.

Время пребывания архиерея и духовной семинарии в Новомиргороде — самое тяжелое и безотрадное время. По кончине Амвросия Серебренникова назначен был на кафедру екатеринославскую митрополит Гавриил Банулеско-Бодони. Для помещения митрополита отведен был казенный дом, в котором раньше жил генерал Текелий. Много стоило хлопот, трудов и хождений, чтобы найти в таком захолустном городе, как Новомиргород, помещения

для семинарии, для ректора, больницы, библиотеки, поварни с кухней и столовой.

Но не успела семинария окончательно устроиться на новом месте, как ей пришлось перебираться в третий раз. Преемник митрополита Гавриила Банулеско епископ Афанасий Иванов начал хлопотать о переводе архиерейского штата и семинарии из Новомиргорода в Екатеринослав. Он писал синоду, что Новомиргород, находясь на границе епархии, представляет для духовенства большое затруднение: оно должно ездить туда и ради дел к архиерею, и ради церковнослужительских детей, что соединено с большими издержками. К концу 1803 года хлопоты епископа Афанасия увенчались успехом: декабря 4 дня высочайше утверждено было постановление синода о перенесении всей кафедры архиерейской с семинарией и консисторией из Новомиргорода в Екатеринослав, на что отпущено было 5000 рублей. Сам епископ Афанасий пожалован был саном архиепископа и получил титул Екатеринославского, Херсонского и Таврического.

Прибыв в Екатеринослав, семинария долго искала себе место, где бы она могла преклонить свою главу. То было настоящее блукание семинарии по разным стезям. Сперва она вселилась в один из корпусов суконной фабрики, так называемый докторский дом. Потом перешла в частный дом «дворянского предводителя» П. И. Штерича. Выдворенная из дома Штерича, заняла несколько развалившихся домов казенной палаты и других присутственных мест. Тщетно добивалась семинария получить необходимую сумму денег то на ремонт указанных ей развалин, то на покупку вполне годного для жилья питомцев здания. Это удалось сделать только архиепископу Платону Любарскому после больших хлопот и стараний. Августа 31 дня 1874 года в Екатеринославе было сооружено собственное здание семинарии, стоившее 118 604 рубля.

Из преподавателей семинарии особенную популярность приобрели как ревнители просвещения два лица: А. С. Понятовский, завещавший свой дом для женской гимназии, и Г. Я. Титов, автор «Писем из Екатеринослава».

Мужское духовное училище с 1817 года и до 1867 года составляло одно с семинарией и помещалось в одних и тех же зданиях. Затем оно было преобразовано в самостоятельное учебное заведение по новому высочайше утвержденному уставу духовных училищ 1866 года и перешло в собственное здание.

Кроме семинарии, последовательно, год за годом, открывались другие училища в городе: в 1850 году еврейское училище 1-го разряда; в конце 50-х годов талмуд-тора; в 1866 году октября 1 дня училище для девиц духовного звания, помещавшееся на Потемкинской улице; в 1870 году женская гимназия, а в 1875 году сентября 26 дня реальное училище.

Глава VIII

Что представлял из себя в это время город Екатеринослав, об этом говорит один из очевидцев, некий Порфирий Феодосиевич Яненко: «Я родился,— говорит он,— в с. Подгороднем Новомосковского уезда и, достигши 10 лет, в первый раз увидел Екатеринослав в 1841 году, когда меня привезли для помещения в учебное заведение. Мне говорили тогда, что будем ехать чрез широкую реку Днепр по живому мосту... Когда я увидел Днепр, то он показался мне не рекой, а морем, но живого моста все-таки не вижу. Приблизившись к (самому) Днепру, увидел и самый мост... Он составлен из бревен и досок с деревянными перилами, похож на мост, устроенный в деле Подгороднем чрез речку Кильчень, только бесконечно длинный, и был на том самом месте, где ныне железный. При переезде чрез мост часть его, занятая тяжестью, погружалась в воду, а сзади и спереди мост поднимался...

Этим и разъяснил мое недоумение, почему его называли «живой мост». После того я увидел город. Еще с моста я видел кое-что, меня удивлявшее после деревни... Всмотриваясь во все стороны ближе и дальше, я увидел много громадных, в несколько этажей, построек с высочайшими трубами; многие из построек были уже без крыш, окон и дверей. Это были казенные, сначала чулочные, а потом суконные фабрики; здесь же была небольшая деревянная церковь, окруженная громадными тополями и осинами, которая была впоследствии перенесена в Поповку. Вместо той старой церкви при участии купца Николая Новикова выстроена новая каменная вблизи вокзала. Дальше, по направлению к Койдакам, было длинное деревянное двухэтажное строение, заслонявшееся громадными тополями. Это было военно-сиротское отделение, в котором обучались грамоте и военному искусству кантонисты; там же были казармы инвалидной команды, по упразднении которой солдатам этой команды была отведена городская земля, где они и основали Солдатскую слободку. При существовании суконных фабрик отведена была в городском саду земля для посева ворсильных шишек. Директорами фабрик были: Николай Смирнов, Василий Драгневич и Карл Адлерберг.

По упразднении в 1830 году суконных фабрик рабочие были переселены в Павловскую фабрику в Москву, а затем, когда эти рабочие, по упразднении Павловской фабрики, возвратились в Екатеринослав для жительства, то им была указана местность, на которой они устроились и поселились. Поселок этот назван Павловскою слободкою. От моста пришлось ехать по Петербургской улице, которая не представляла ничего интересного, кроме песчаных сугробов и выбоин да самых ничтожных домиков, засыпанных по окна песком, а также лабазов разных форм и шинков с надписью: «Казенный питейный дом». По Екатерининскому проспекту от моста представлялась пустыня. Только замечались дом директора фабрики Смирнова, винные громадные подвалы откупов, дом доктора Масловича и небольшой домик, где ныне дом гофмейстера Алексеева, затем острог на Качельной площади, похожий больше на подвал; с другой стороны казенный сад. Улица представляла самый безобразный вид: постоянная грязь невылазная, где в частую кареты останавливались и их вытаскивали с пассажирами волами. Улицу перерезывали поперек два провалья: одно против нынешнего клуба, а другое против казенного сада. Для переезда чрез эти провалья были устроены ничтожные деревянные мостики, и уже губернатор Фабр сделал вместо мостиков каменные арки, выровнял улицу, устроил шоссе и бульвары.

Тюремная площадь сплошь до фабричного кладбища представляла заросшую луговую степь, на которой стояли три ветряные мельницы. С устройством тюремного замка около него образовалась Подгорная слободка, имеющая вблизи глубокое и обширное озеро (Озерная площадь), удобное для разведения домашней птицы и водопоя. Впоследствии на той площади устроены были манеж и конюшни для артиллерийской бригады, а после того сооружены были казармы для арестантской роты. Поблизу был казенный сад, где были училища садоводства и пчеловодства.

Дальше за тюрьмою до Цыганской площади (теперь Александроневская) и Скаковой улицы (потом Романовская, теперь Свердловская) была сплошная степь с выгонною городскою землею. Эта местность известна была всем через то, что там ежегодно, на Петра и на Павла, еще при крепостном праве, устраивались скачки лошадей с призами от государственного коннозаводства. Сюда являлся весь мир, вся знать и аристократия не только местные, но и приезжавшие на ярмарку со всех стран... Если бы выпитое после скачек шампанское выпить на место, где были скачки, то ввиду наклонности этой местности к городу, оно залило бы весь город. Впоследствии эта замечательная пустыня была продана под постройки, и так составились Скаковая и Елисаветградская улицы.

Ниже, к оврагу от городского леса, кирпичные заводы Рыбаковых и Прозоровых. Бедные люди, работавшие на тех заводах, начали устраивать себе для жилья землянки, избушки, домики, и таким образом образовались Рыбаковская и Прозоровская слободки. Выше их

населились самовольно слободки Монастырская и Безулевская. Безулевская слободка названа так потому, что там первая поселилась мещанка Анастасия Безулева, которая несколько раз была в Иерусалиме и потому считалась имеющею копейку. Ввиду этого она однажды была найдена в своем доме изрубленною на куски неизвестными злоумышленниками.

За фабричным кладбищем городская земля, равнина, отдавалась по найму под хлебопашество и огороды, но когда началась постройка железной дороги и моста чрез Днепр, то разный пришлый мастеровой народ, не имея приюта, начал рыть сам себе землянки, делать курени и домики. Мало помалу устроилась большая слободка, которую назвали Чечелевскою от первого поселенца в землянке старого отставного солдата Чечеля. В начале городского леса, ближе к городу, 50 десятин этого леса принадлежали частному лицу, именно священнику Александру Зосимовичу, который имел там Дом, но будучи напуган несколько раз разбойниками, от которых отстреливался, продал эту часть леса монахине, которая устроила сначала маленькую церковь, а потом и другую большую каменную, вышла женская Тихвинская обитель».

Какие же наследия оставили нам после себя царица Екатерина II и князь Потемкин? На плане города Екатеринослава, как известно, показаны были: грандиозный собор, великолепный университет, музыкальная консерватория, художественная академия, дикастерия гражданская, дикастерия духовная, дом генерал-губернаторский, дом губернаторский, разные пропилеи, базилики. Где же они, все те сооружения?

Как много, чересчур много обещано и как мало, очень мало сделано!

Вот перед нами так называемый дворец князя Потемкина — это есть дом генерал-губернаторский. Много он пережил, пока дошел до нашего времени. После смерти князя Потемкина он сразу приупал и едва совсем не погиб. Время, сокрушающее все на земле, казалось, готовилось обратить в развалины и этот дворец. Он долго стоял незанятый, потому что был никому не нужен. В документах конца XVIII века и начала XIX он назывался дворцом генерал-губернаторским, а потому принадлежал министерству внутренних дел.

В 1804 году временно помещавшаяся в городе Новомиргороде Екатеринославская духовная семинария переведена была в город Екатеринослав. Но так как для семинарии не было надлежащего помещения, то министерство внутренних дел предложило екатеринославскому архиепископу Платону через местного губернатора К. С. Гладкого занять для семинарии «состоящий в Екатеринославе генерал-губернаторский дом, в котором не было никакой надобности по части гражданской». Но архиепископ отказался от этого дома как ввиду его отдаленности от города, так и ввиду его большой ветхости, требующей немаловажных поправок и на оные сумм денег».

Такое предложение было сделано в 1811 году тому же архиепископу Платону и от обер-прокурора Святейшего синода князя А. Н. Голицына. Архиепископ и на этот раз ответил тем же: дом генерал-губернаторский к помещению семинарии неспособен по крайней ветхости, по неудобству расположения комнат и по необходимости серьезных починок и исправлений.

Член Новороссийской конторы иностранных поселений на юге России А. М. Фадеев, проживший в Екатеринославе с 1815 по 1834 год, писал о Потемкинском дворце так: *«На горе города красовались развалины Екатеринославского собора и Потемкинского дворца. Я застал его уже с поврежденною крышею, без окон, без дверей; одна комната была завалена бумагами, составлявшими Потемкинский архив при управлении его Новороссийским краем. Никто об этом архиве не заботился и даже при дворце не находилось ни одного караульного. Я из любопытства несколько раз рылся в громаде бумаг и находил интересные черновые письма, писанные самим кн. Потемкиным к разным лицам, переписку его секретарей с губернаторами*

и проч. Через несколько лет этой груды бумаг, в которой, без сомнения, нашлось бы много любопытного, уже вовсе там не существовало, а только клочки их валялись, рассеянные по саду, окружающему дворцу».

В 1825 году известный в свое время профессор и публицист А. Ф. Воейков, много путешествовавший по России, побывавший и в Екатерине славе, писал о Потемкинском дворце так: *«Я не мог более стоять на одном месте и не прошел, а пробежал по мосту, по улицам, по площади, никуда не заходя, ничего не видя, прямо на гору к полуразрушенным чертогам великолепного князя Тавриды. Старый инвалид впустил меня в дом, отпер двери в сад и оставил меня одного в пустых, пространных комнатах, где паук развесил свои ткани и сквозь обрушившуюся кровлю сияло яхонтовое небо».*

«Когда я приехал в Екатеринослав в 1826 году,— пишет бывший воспитанник местной гимназии Николай Семенович Рындовский,— то казенные каменные здания (в нем) представляли одни стены с отлично сохранившеюся, особенно на доме князя Потемкина, штукатуркою, но (зато) без крыши; потолков, полов и балок. Дворец, а равно и сад при нем не оберегался и не охранялся, служил для многих лиц духовного ведомства бесплатным постоялым двором: обыкновенно лица эти, приезжая в Екатеринослав к 15 июля за детьми своими, обучавшимися в семинарии и духовном училище, чтобы взять их на вакации домой, останавливались в развалинах дворца Потемкина, въезжали с лошадьми и повозками в поросшие густым и высоким бурьяном залу и смежные комнаты и там находили для себя удобный и бесплатный приют, а лошади их безвозбранно паслись в саду».

В 1827 году Ф. Ф. Вигель в своих трехтомных «Воспоминаниях» говорит, как очевидец, о Потемкинском дворце следующее: *«В расстоянии четверти версты (от места закладки собора), по склонению горы к реке, находился Потемкинский дворец; он состоял из одной залы, которую легко можно было бы обратить в огромный манеж, да из двух комнат по бокам, из которых каждую можно было бы назвать пребольшей залой; мелких комнат было немного. Все это было без полов, без окон, без дверей, и дождь капал сверху сквозь дырявую деревянную крышу. Зато сад при нем содержался в исправности и чистоте. Он сошел вниз вплоть до Днепра и на нем захватывал несколько островков, соединенных между собой полусгнившими мостиками».*

В том же 1827 году, августа 29 дня, казначей архиерейского дома иеромонах Иосиф доносил архиепископу Феофилу, что он услышал как-то близ дома покойного князя Потемкина необыкновенный шум и отправился туда. Едва он стал приближаться, как вдруг бывшие близ землянки, стоявшей около того дома, люди, по внешнему виду духовного звания, прибывшие по своим делам в Екатеринослав и остановившиеся с повозками своими под помянутым домом, бросились бежать. На месте же остались три женщины, которые заявили, что они вместе с одной старушкой живут в той землянке и занимаются продажей разного рода съестных припасов.

Архиепископ Феофил обвинил в этом консисторию, которая допустила своего рода ставленническую ярмарку с ежедневным базаром и с подозрительными торговками, к явному нареканию на духовенство, к посрамлению архиерейского дома и к разврату приказно служащих и певчих. В пустом доме духовные завели вертеп. *«Приезжая по разным своим делам в город, они вместо пристойных в городе квартир крыются, яко враны в нырища, в руинах княжеского дома. Сегодня же подать список духовных и запретить».*

В 1832 году город Екатеринослав посетил известный академик-славист И. И. Срезневский. В одном из своих писем к матери он сообщал: *«Мы заходили и в развалины Потемкинского дома. Крыша уже разрушена, полы также, но штукатурка еще сохранилась и превосходная лепная работа».*

Названный выше Ф. Ф. Вигель, автор трехтомных «Воспоминаний», посетивший вторично город Екатеринослав, говорит, что Потемкинский дворец приобретен попечением губернского предводителя дворянства барона Антона Романовича Франко, отделан хорошо и просто и служит дворянству для выборов и для его увеселения.

Наконец в 1849 году местный обыватель города Екатеринослава Григорий Яковлевич Титов, преподаватель духовной семинарии, о Потемкинском дворце писал так: *«Дом этот возобновлен, или лучше перестроен, с небольшими изменениями своего прежнего плана. В нем особенно замечательна зала по своей обширности. При перестройке дома она сокращена или перегорожена стеною; но и теперь служит предметом удивления для всех, кто бывает в ней; а в первобытном своем виде она могла бы вместить в себе целый полк конницы... Теперь он замечателен только по своему прекрасному, живописному местоположению. Дикие и утесистые берега, безподобные виды, открывающиеся на все стороны, особенно на живописные окрестности и на днепровское судоходство, целительный, нагорный воздух делают прогулку в этом саду в высшей степени приятной. Видно, князь Потемкин с большим умом соединял и большой вкус. Но при всех своих природных достоинствах, коими сад князя Потемкина обладает, теперь он не имеет той красоты, которую он имел при первом своем хозяине: тогда в нем, как говорят, со всех сторон света были собраны все замечательнейшие деревья и цветы».*

Нужно думать, что ввиду предполагавшегося сооружения будущего генерал-губернаторского дворца в Екатеринославе предварительно был составлен план и к нему были приложены разные зарисовки, но так как все это до нашего времени не дошло, то поэтому нам доподлинно неизвестно, в каком именно стиле был сооружен дворец. Названный выше академик-славист И. И. Срезневский видел на стенах дворца «остатки превосходной лепки». Историк Новороссийского края А. А. Скальковский говорит, что дворец был сооружен «в венецианском вкусе». Если это так, то нужно сказать, что венецианский стиль отличается величавостью и красотой. Он представляет собой смесь византийского стиля с римской базиликой.

Сама Екатерина, назначая в новый город своего имени наиболее известного в то время в России зодчего М. Ф. Казакова, хотела видеть в Екатеринославе не такие здания, которые строятся по обычному казенному шаблону, а здания «великолепные», как это писалось, например, об университете.

Если в настоящее время Потемкинский дворец и не поражает нас ни своей отделкой, ни своей величавостью, то не следует забывать того, что он стоит уже 150 лет и за свое долгое существование пережил много.

Ко всему сказанному о Потемкинском дворце следует добавить еще то, что в 1914 году, во время прокладки канализационных труб в городе Екатеринославе, возле дворца Потемкина открыт был на глубине сажени подземный ход, в котором можно свободно двигаться человеку во весь рост. Свод сложен из кирпича типа XVIII века. Под ходом открыта была ниша, сложенная уже из дикого камня, в которой можно только сидеть или же стоять не во весь рост, а на коленях. Провал в подземный ход был обнаружен как раз против парадных дверей дворца. Он идет к западу, параллельно саду, и к востоку, где теряется в глубоком овраге. Как велик тот ход и что в нем находится, неизвестно. За неимением средств на основательное обследование того хода, был снят лишь небольшой план его, помещенный в местном историческом музее.

Недалеко от генерал-губернаторского дворца, по правую сторону, не замедлили построить деревянный дом для гражданского губернатора. В нем губернаторы жили до 1803 года. В этом году губернаторский дом поступил в ведение епархиальных архиереев для

всегдашнего в нем их пребывания. В течение долгого времени он был во многом переделан. Епархиальные архиереи пользовались прекрасным местоположением и обширным фруктовым садом, как и Потемкинским садом. Но потом с северной стороны этого дома оказался ужасный овраг, по точному измерению, говорит очевидец, не менее 13 саж. До 1808 или 1810 года такого оврага совсем не было. Раньше от Потемкинского дворца до архиерейского дома была прямая и безопасная дорога и съезд с горы вниз к Днепру был также вполне удобный. Но около указанного времени княжеский сад окопали небольшой канавкой, не оградив ее ни камнем, ни кирпичом. Но так как грунт земли там рыхлый, то канавка та, размываясь с года на год водой, сделалась глубокой ямой, которая расширяясь во все стороны, стала провалем .

Это провалье и теперь продолжает расширяться, а углубилось оно уже настолько, что ему, как говорят, и дна не видно.

Из других зданий XVIII столетия в нашем городе сбереглись более или менее еще три каменных корпуса на месте, где была суконная фабрика, то есть близ теперешнего вокзала. В каком именно году и кем они построены, неизвестно. Из трех корпусов тот, который фасадом выходит на проспект, сохранился лучше других. Это большое, каменное, одноэтажное здание с массивными колоннами с лицевой стороны в Екатерининском, как принято говорить, любимом стиле. За время своего долгого существования оно лишилось многого, особенно при реконструкции города. В нем помещался провиантский склад, а потому оно и называется интендантским домом.

В нашем городе, кроме зданий XVIII века, от того же времени уцелел еще, хотя с большими ранениями, памятник императрицы Екатерины II. С этим памятником связано имя славного поэта Александра Сергеевича Пушкина и его жены Натальи Николаевны, рожденной Гончаровой. Задолго перед тем, как Екатерина II решила совершить свое, наделавшее много шума, путешествие в полуденный край, князь Потемкин, желая особенно польстить царице, послал заказ в Берлин лучшим в то время художникам отлить статую русской императрицы с условием, чтобы она была готова к 1787 году, то есть ко времени закладки царицею нового будущего города Екатеринослава. Художники, приняв заказ, однако почему-то не успели отлить статую к указанному сроку, а отлили ее на целый год позже. Тем временем в России произошли два важных события: Турция объявила России войну; князь Потемкин, назначенный фельдмаршалом русской армии, поспешно выехал из столицы на юг и там, после трехлетней осады турецкой крепости Очакова, неожиданно скончался. Новый фаворит царицы Екатерины, заместивший князя Потемкина, граф П. Зубов, или не знавший о заказе статуи, или же не желавший знать о том, ничего не сделал, чтобы добыть ее, и статуя, неоплаченная князем Потемкиным, оставалась в Берлине. Под конец ее выставили в аукционном зале для продажи. Аукционная продажа вещей, как известно, всегда привлекала и привлекает к себе много публики. Статуя Екатерины II привлекла к себе внимание русского туриста, бывшего в то время в Берлине, Афанасия Николаевича Гончарова, владельца парусной и полотняной фабрики в Калужской губернии. Он купил выставленную статую Екатерины с намерением поставить ее в своем имении «Полотняный Завод» в память посещения его императрицей в 1775 году. Но внезапная кончина Екатерины II и вступление на престол Павла I, ненавидевшего свою мать со всеми ее фаворитами, заставила Афанасия Николаевича Гончарова отказаться от мысли выставлять статую царицы из опасения навлечь на себя гнев жестокого и полоумного царя, каким оказался Павел I. Статуя оказалась не у дел и долго валялась в имении Гончаровых.

О ней вспомнили уже тогда, когда внучка Афанасия Николаевича Гончарова, Наталья Николаевна, стала невестой поэта А. С. Пушкина. За болезнью отца Натальи Николаевны, Николая Афанасьевича, который вследствие падения с лошади «подвергся умоповреждению», главой семьи Гончаровых стал «дедушка» Натальи Николаевны Афанасий Николаевич, который и должен был позаботиться о приданом для внучки, но дедушка, le grand-papa, всячески уклонялся от того, ссылаясь «на разстройство дел». От его произошли те

«разстройства», видно из письма А. С. Пушкина П. В. Нащокину от 24 октября 1831 года: «Дедушка выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12000 и ничего своей внучке не дает».

Чтобы выйти из денежного затруднения, дедушка Афанасий Николаевич решил использовать ту статую императрицы Екатерины, которую он купил на аукционе в Берлине. В семье Гончаровых она называлась «медною» или «бронзовою бабушкою, la grand-maman de Zavod». Афанасий Николаевич хотел перелить ее и полученные деньги дать на приданое внучки. Но дело шло о такой статуе, которая представляла собой венценосную особу; это можно было сделать только с разрешения высшей власти. Для этого он решил использовать самого А. С. Пушкина: обратиться по этому поводу к шефу жандармов, начальнику 3-го отделения собственной его величества канцелярии, командующему императорской главной квартирой графу Бенкендорфу, который всегда оказывал внимание поэту.

А. С. Пушкин исполнил просьбу le grand-papa своей невесты, о чем и писал ему: *«Что касается до памятника, то я, тотчас по своем приезде в Москву, писал о нем Бенкендорфу. Ответ его, вероятно, не замедлит. Что касается до позволения перелить памятник, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше от генерала Бенкендорфа».*

Несмотря на разрешение, полученное в 1830 году, статуя Екатерины II не была почему-то продана в то время. В 1832 году, июня 8 дня, А. С. Пушкин вновь писал графу А. Х. Бенкендорфу о той же статуе Екатерины II: «Два-три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, испытывая денежные затруднения, был готов расплавить колоссальную статую Екатерины II и за разрешением на то я обращался к вашему высокопревосходительству. Думая, что речь идет только о бесформенной массе бронзы, я большего и не просил. Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и мне стало совестно и жалко ее уничтожить, чтобы извлечь из нее несколько тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной добротой подали мне надежду, что правительство могло бы ее купить у меня, и я велел привезти ее сюда. Если средства частного лица не позволяют ни ее купить, ни хранить ее, то эта прекрасная статуя могла бы быть достойно помещена или в одном из учреждений, основанных императрицей, или в Царском Селе, где ее, статуи, недостает среди памятников, воздвигнутых ею великим людям, которые ей служили. Я хотел бы за нее 25 000 р., что составляет четверть ее стоимости. Этот памятник был сооружен в Пруссии одним берлинским скульптором. Статуя находится теперь у меня. Форштатская, дом Алымова».

Новое обращение Пушкина к Бенкендорфу спустя ровно 2 года после первого, по справедливому предположению Н.О. Лернера, вызвано было, с одной стороны, просьбами родственников жены Пушкина, а с другой, вероятно, надеждою Пушкина получить данные теще Н. И. Гончаровой перед женитьбой деньги, в которых он ощущал острую необходимость. Вследствие письма Пушкина А.Х. Бенкендорф передал это дело в министерство императорского двора.

Министр двора князь П. М. Волконский обратился, со своей стороны, в Академию художеств с просьбой поручить ректору Академии И. П. Мартосу с тремя профессорами осмотреть означенную статую и донести как о достоинстве оной, так и о цене ее. После осмотра профессора нашли, что огромность статуи, отливка ее и тщательная обработка или чеканка во всех частях оной, не говоря уже о важности лица изображаемого, заслуживает внимания правительства. Что же касается до цены статуи 25 000 рублей, то ценители находили ее слишком умеренною, ибо одного металла, полагать можно, имеется в ней по крайней мере на 20 тысяч рублей, и если бы теперь заказать сделать такую статую, то она, конечно, обошлась бы в три или четыре раза дороже цены, просимой Пушкиным. При этом ценители по всей справедливости объявили, что произведение не чуждо некоторым видным недостаткам в отношении сочинения рисунка и стиля. Впрочем, если взять в соображение век, в который

статуя сделана, то она вовсе не может похвастаться слабейшею из произведений того времени в Берлине.

А. С. Пушкин надеялся на благоприятный исход своих хлопот и писал П. В. Нашокину, что продает во что бы то ни стало свою статую. Однако дело неожиданно заглохло. «Надо думать,— говорит Н. О. Лернер,— что Пушкин был не совсем в добрых отношениях с кн. П. М. Волконским. Тогда выступила жена Пушкина, Наталья Николаевна. Она написала кн. П. М. Волконскому такое письмо: *«Князь, я намеревалась продать в казну бронзовую статую, которая, как мне сказали, стоила моему деду 100 000 рублей и за которую я хотела бы получить 25 000. Посланные для ее осмотра академики говорили, что она стоит этих денег. Но не получая больше известий об этом, я осмеливаюсь, князь, прибегнуть к вашей любезности. Намереваются ли еще купить эту статую или же сумма, которую спросил мой муж, кажется чрезмерной? В последнем случае нельзя ли было бы выдать нам, по крайней мере, материальную стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, а остальное уплатить когда и как вам будет угодно».*

От князя Волконского в самых изысканных выражениях последовал бесповоротный отказ «по весьма затруднительному положению, в котором находится ныне кабинет». После такого отказа Пушкин не предпринимал больше никаких шагов к реализации «медной бабушки». Статуя Екатерины II была продана, вероятно, после смерти Пушкина в литейный завод коммерции советника Франца Бердав Петербурге.

На заводе Ф. Берда статую увидел дворянин Екатеринославской губернии Любим Коростовцев, служивший начальником отделения в департаменте мануфактур и внутренней торговли. О своей находке Коростовцев сообщил екатеринославскому дворянству. Дворянство решило приобрести статую для города и чрез Новороссийского генерал-губернатора графа Воронцова испросило на то высочайшее разрешение. Губернский предводитель дворянства генерал-майор П. А. Струков убедил городскую думу уступить место для статуи на Ярмарочной площади, которая потом стала называться Соборной, теперь Октябрьской, в длину 48 саж., в ширину 53. На отведенном месте в 1846 году и была поставлена статуя. По этому поводу на Ярмарочной площади был устроен сквер и посажены деревья, а сама статуя обнесена была железной оградой.

Расходы по установке статуи сделаны были такие. Заводчику Ф. Берду за статую вместе с отлитым для нее на заводе пьедесталом заплачено 7000 рублей серебром; за доставку в город Екатеринослав 578 рублей 43 копейки; за 150 каменных плит для ступенек и площадки вокруг статуи 100 рублей; за чугунную решетку, сделанную в Москве на заводе С. И. Соловьева, 1000 рублей; за доставку оной 236 рублей 60 копеек; за постановку статуи 865 рублей 20 копеек и архитектору 37 рублей 15 копеек. Всего 9817 рублей 38 копеек.

Меди в статуе около 200 пудов и чугуна в решетке 165 пудов. Высоты статуя 4^{1/3} аршина.

Что же представляет собой эта статуя?

Она представляет императрицу Екатерину, стоящую в римском панцире, с малой короной на голове, с поясом для меча, в длинной широкой тоге, падающей с левого плеча. Левая рука приподнята, правая опущена с перстом, указывающим на развернутую книгу законов, и на медали, лежащие на той книге и знаменующие ее деяния. Эти предметы лежат на низкой колонке, стоящей близ монумента и наполовину закрытой спущенной мантией. Спереди, ниже ног фигуры, означены латинскими буквами фамилии творцов статуи и год окончания работы.

ARTIF BEROL FECER
 MEYER FINX MAUKISCH FUD MELTZER FIN
 POST ANNOS SEX
 MDCCLXXXVIII

В переводе на русский язык это значит: «Артисты берлинские работали: Мейер вылепил, Маукиш дал вид, Мельтцер закончил после шести лет. 1788».

Незадолго до начала революции по решению екатеринославского дворянства статуя Екатерины II, поставленная в 1846 году, снята была со своего классического постаamenta и перенесена на другое место, между музеем имени А. Н. Поля и Горным институтом, на новом постаменте из финляндского гранита, специально привезенного в Екатеринослав. Но недолго она там красовалась: революция свалила статую с пьедестала. Цена статую как художественное произведение лучших берлинских художников XVIII века, директор музея имени А. Н. Поля, пишущий настоящие строки, зарыл ее в землю между новым зданием музея и старым, где она лежала около двух лет. После того статуя с разрешения местного начальства была извлечена из земли и поставлена во дворе музея, между каменными бабами. У нее отбиты три пальца, из коих один случайно был найден и хранится в музее.

Есть еще немой свидетель пребывания царицы Екатерины II в нашем городе. Это так называемая миля, род небольшой пирамидки, которая стоит снаружи, возле церковной ограды бывшего собора, с восточной стороны. Такие мили были поставлены заблаговременно перед приездом в наш край Екатерины вдоль дороги, на расстоянии 10 верст одна от другой, от Екатеринослава до Херсона, а потом и дальше в Таврической губернии, когда Екатерина, переправившись с правого берега Днепра на левый, направилась в Крым. Мили — это то же, что на безбрежном море маяки, которые ставятся для указания кораблям местности, или то же, что вехи, которые втыкаются по бокам шляхов для указания путешественникам настоящей дороги во время зимних выюг. В безграничной и однообразной степи нужны мили, чтобы не сбиться с пути не только в ночное время, а даже и днем.

Наша миля сложена из камня известняковой породы, имеет высоты шесть с половиной аршин. Она стояла, как говорит очевидец, на «земляном кургане». В 1834 году тот курган был срыт; сама миля вместо того была отделана камнем и обнесена балюстрадой. Из того камня сделана была восьмиугольная площадка высоты 1 аршин и 6 вершков, 42 аршина кругом. На площадку вели ступеньки, которые, как и вся площадка, были выложены черной аспидной доской, вывезенной из Славяносербского уезда. Вокруг мили была поставлена железная решетка. Та решетка потом, в 1863 году, была снята и сложена в кладовую соборного храма, а аспидная доска кем-то унесена. Вместо железной решетки поставлена была деревянная, но и деревянная также была убрана, а самая миля покрыта цементом.

Глава IX

В конце XVIII века не стало вдохновителей города Екатеринослава — ни князя Потемкина, ни самой царицы Екатерины. Начало XIX века было самое тяжелое время для него. Всех жителей в нем, мужчин и женщин, в то время было всего лишь 6389 человек, вследствие этого Екатеринослав нужно было бы назвать скорее местечком или слободой, а не губернским городом обширного Екатеринославского наместничества. В 1826 году, говорит очевидец, в городе Екатеринославе не было ни единого каменного частного дома. Из церквей была только одна каменная церковь — кладбищенская; прочие церкви — Троицкая, Успенская и Покровская фабричная были деревянные. Мостовые в городе Екатеринославе были только на двух-трех главных улицах; остальные улицы пребывали в первобытном состоянии. Переправы через Днепр совершались по деревянному, так

называемому живому мосту, и только в зависимости от тихой и спокойной погоды, а зимой, когда начинал идти по реке так называемый шерех, переправы не было никакой. Освещения улиц в городе в ночное время обыватели не знали никакого до начала 50-х годов.

При всем том в городе Бкатеринославе в 1830 году учреждается городская библиотека с кабинетом для чтения «старанием екатеринославского общества Пиквика», в котором особенно живое участие принимал очень энергичный и просвещенный деятель Н. И. Баллин. Городская библиотека несколько раз то открывалась, то, по разным причинам, закрывалась. Один раз, а именно в 1836 году, во время помещения ее в доме дворянского собрания, была даже истреблена пожаром.

Старожилы также говорят, что в это же время, то есть около 30-х годов, в Екатеринославе был уже частный клуб, который помещался в доме городского головы И. Т. Артамонова, на проспекте, где впоследствии была известная в городе гостиница «Гранд-отель».

В 30-х же годах екатеринославцы впервые увидели у себя и театр. Но какой же был тот театр? Ни больше ни меньше, как деревянный сарай. По одним, построил его антрепренер странствующей труппы Штейн, по другим, местный обыватель Трояновский. Но плохо выстроенный, он скоро пришел в ветхость и был разобран, а вместо него обыватель города Екатеринослава Абрам Осипович Луцкий выстроил каменный театр.

Около того же времени стала печататься в Екатеринославе первая газета «Екатеринославские Губернские Ведомости», выходившая по средам и пятницам.

До половины 30-х годов жителей города Екатеринослава обслуживала одна единственная аптека Мильгофа, которая помещалась в собственном доме аптекаря, на Дворянской улице.

С 1831 года по 1873 год город Екатеринослав пережил целый ряд стихийных бедствий в виде голода, холеры и скорбута, то есть цинги. Впервые холера посетила Екатеринослав в 1831 году. Спустя четырнадцать лет она появилась в местечке Котовке Новомосковского уезда. В половине 1848 года холера вновь появилась в городе и свирепствовала в самой сильной степени. Несколько лет сряду в Екатеринославской губернии были неурожаи. Лето 1848 года было особенно знойное. Дождя не было ни капли. Вся зелень, до последнего стебля, была истреблена, следствием чего был всеобщий голод, а вместе с голодом холера и скорбут, выхватившие тысячи жертв из едва населенного края. В самом Екатеринославе холера открылась в половине 1848 года. Бедного народа скопилось в городе множество. Больницы были все завалены, а больные все прибывали и прибывали. Скорбут особенно сильно свирепствовал под конец 1848 года и в начале 1849. В 1855 году холера также немало унесла жертв и не появлялась до 1866 года. Наконец она появилась в последний раз в 1873 году и свирепствовала недолго. Особенное мужество и распорядительность выказал в бедственные для города Екатеринослава годы Иван Изотович Ловягин, сперва бургомистр, а потом городской голова.

Совет городского Приказа Общественного Призрения, заботясь о здоровье населения, постановил в 1837 году устроить богоугодные заведения. Постройка была отдана без торгов в городе Одессе при графе М. С. Воронцове известному в то время в городе подрядчику Герценштейну. Герценштейн, получивши вперед 200 000 рублей, вывел только фундамент, а с оставшимися у него деньгами 82 000 рублей уехал за границу. Хотя дело о взыскании с подрядчика недостающих денег доходило до сената, но деньги все-таки не были возвращены. После того из Петербурга в Екатеринослав был послан архитектор и назначена была комиссия для постройки богоугодного заведения, в числе членов комиссии был доктор Павел Никифорович Бойченко, пользовавшийся широкой популярностью и искренней любовью всего

населения города. Он родился 14 декабря 1813 года в селе Ульяновке Харьковской губернии Сумского уезда от «отца земледельческого сословия». Я прошел, говорил он, среднее учебное заведение и поступил в Харьковский университет, где наставники наши повторяли нам афоризм Гиппократ: «Divinum opus sedare dolorum – облегчать страдания —• богоугодное дело». «Не нарушая истины и без преувеличения можно сказать, — писал один из сограждан Бойченко, — что в Екатеринославе все — от высшего представителя власти до последнего бедняка, до самого жалкого нищего — знали П. Н. Бойченко».

В 1838— 1839 годах проживала временно в Екатеринославе, а частью в селе Камянском Екатеринославского уезда известная в то время писательница **Елена Андреевна Ган**, писавшая романы под именем Зинаиды Р. Муж ее, артиллерийский полковник, стоял тогда со своей батареей в Камянском, почему и Елена Андреевна жила в том селе. По временам же она проживала и в Екатеринославе, во дворе дома Щекутина, стоявшего на Проспекте. Она написала для журнала «Библиотека для чтения» повести: «Джелладин», «Медальон», «Утбалла», «Геофания Аббиаджио». Названия романов дал редактор журнала Сенковский, который считал произведения Елены Ган выше произведений известной французской романистки Жорж Занд. В повестях Елены Ган есть отражения местной жизни екатеринославского общества, в особенности деревенского быта тогдашнего помещичества, проводившего жизнь по хуторам и деревням, где современная жизнь с ее увеселениями и всякими затеями была ключом едва ли не сильнее, чем в городах. В одном из своих произведений Елена Ган зло осмеивает некоего верхнеднепровского помещика Чернявского, прекомичного толстяка, возомнившего себя великим писателем и преследовавшего всех вычитыванием своих ничтожных писаний «Черный Кот» и «Девушка с тремя глазами». Елена Ган умерла в 1842 году, 24 июня, около 27 лет от роду.

С 1858 года по 1861 год в Екатеринославе также жил писатель Владимир Николаевич Елагин, получивший прозвище «первого екатеринославского обличителя». Он был сыном помещика Тульской губернии Крапивинского уезда, бывшего «во время оно» председателем гражданской палаты в Туле. Владимир Николаевич Елагин написал «Откупное дело», «Губернский карнавал», «Флор Иванович», «Знатное мертвое тело», «Подряд», «Откупная карьера», «Волчьи слезки». Напечатаны, кроме двух последних, в разных журналах. Были еще две статьи, написанные на французском языке, но они не напечатаны.

Большинство (если не все) сочинений В. Н. Елагина имело содержанием своим факты, взятые из жизни екатеринославского общества; в них выведены были даже лица из тогдашней среды, жившие и действовавшие на разных поприщах. Иные выведены были столь прозрачно, что их все узнавали без затруднений.

«Сочинения Елагина являются, так сказать, бытописью нашего прошлого, в легкой и занимательной беллетристической форме, и потому они важны для нас, как живая художественная картина далеко ушедшей от нас жизни наших предков».

Потерявший жену и ребенка, разбитый параличом, Елагин лежал в больнице под наблюдением доктора П. Н. Бойченко, а потом был перевезен в Петербург в клинику военно-медицинской академии. Умер в Туле в 1861 году, марта 2 дня.

Одновременно с Елагиным жил писатель Михаил Максимович Стопановский. Он написал «Записки скупого», напечатанные в журнале «Отечественные записки» (1859), «Обличители», напечатанные там же, «Приезд начальника», стихи, напечатанные в журнале «Библиотека для чтения» (1860). После 1860 года Стопановский из Екатеринослава переехал в Петербург, где сотрудничал в разных журналах. Там же и скончался от невралгии и чахотки.

Из писателей около того же времени проживал в Екатеринославе еще Кандауров, автор

романа «Поменьше опеки», взятого, как говорят, вполне из местных екатеринославских нравов. Кандауров состоял ревизором екатеринославского губернского акцизного управления.

Но все же названные писатели не скрасили жизни самого города Екатеринослава. Заложенный в 1787 году, он просуществовал более 80 лет, дожив до 1870 года. В 1870 году в нем введено было новое «Городовое положение», давшее городскому самоуправлению новые права и начала. Но, как всегда, за недостатком денег новая дума и городская управа немного могли сделать для благоустройства города. «Будучи заурядным губернским городом, почти немощным, он вдруг и неожиданно оживает».

Кто же его и как оживил?

Оживили его два деятеля, которые в истории нашего края стяжали себе доброе имя. Это были англичанин Юз и местный гражданин Александр Польша. До Юза и Польша экономическая и промышленная жизнь бывшего запорожского края развивалась очень медленно и не выходила из рамок обычного хозяйствования. Население занималось земледелием, скотоводством, овцеводством, рыболовством, пчеловодством и отчасти добыванием соли. На высокую ступень экономическая и промышленная жизнь нашей губернии сразу поднялась, когда в недрах земли открыты были богатые залежи железной руды и каменного угля. Тогда Екатеринославская губерния сделалась одной из богатейших губерний в России, а самый город Екатеринослав стал крупным фабрично-промышленным центром.

А все это произошло так.

Открытие подземных богатств в недрах нашего края было сделано еще во время царя Петра I, в начале XVIII века, когда близ теперешнего Бахмута найден был каменный уголь, так называемый «горючий камень», кусок коего был поднесен царю Петру во время следования его к городу Азову. *«Сей минерал, если не нам, то нашему потомству очень полезен быть может»*, — ответил Петр жителям Славяносербского уезда, поднесшим его царю.

В конце того же XVIII века и около того же Бахмута также найдена была и железная руда. О том писал князь Потемкин правителю Екатеринославского наместничества В. В. Коховскому и генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому. Последнего просил послать туда «человека в горных делах искусного».

Открытие железной руды внушило князю Потемкину мысль об открытии близ места ее нахождения чугунолитейного «ядренного завода» (для ядер). Завод был открыт в Донецком уезде Екатеринославского наместничества в 1796 году с целью изготовления в нем пушек для Черноморского флота и для южнорусских крепостей. Однако тот завод не сумел выплавить ни одного пуда чугуна, и потому был закрыт казной. Потом казна пыталась открыть такие же заводы в Корсуне и Лисичанске, но и те заводы также не дали казне чугуна. Далее казна дала право частным лицам открывать заводы. Но тут оказался недостаток в каменном угле. Началась разработка угля, сначала казной возле Лисичанска, а потом частными углеискателями. В 60-х годах XIX столетия восточная окраина Екатеринославской губернии стала постепенно

и мало-помалу покрываться угольными шахтами. Недоставало, однако, начала прочной горнопромышленной деятельности в крае. На прочное основание горная промышленность в Екатеринославской губернии была поставлена только с прибытием в нее англичанина Джона

Юза, Джон Юз, сперва простой кузнец, потом директор одного английского литейного завода, основал в Лондоне компанию «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства». Это общество заключило договор с русским правительством и отправило в Россию своего представителя — Джона Юза.

Джон Юз, прибыв в Екатеринославскую губернию, нашел близ реки Калмиуса

прекрасный по качеству каменный уголь, что и подало ему мысль устроить там чугуноплавильный завод. Тот завод был основан в 1869 году, в балке Скоморошке, около реки Калмиуса. Завод давал гарантию России ежегодного выпуска не менее 300 000 пудов рельсов, причем от казны ему давалась премия по 50 копеек с пуда рельсов в течение Шлет.

«Громадные затруднения, встреченные при постройке завода, будут понятны, если представить, что первое и весьма крупное металлургическое предприятие на юге России создавалось иностранцем, не знавшим ни русского языка, ни обычаев народа. Окружающая местность представляла собой степь, где не было ни жилья, ни рабочих. Все машины, мастеровые, рабочие были вывезены из Англии, причем машины приходилось доставлять на волах по грунтовым дорогам. Несмотря на все это, Джон Юз с завидною энергией и при поддержке правительства довел начатое дело до конца и в 1872 году пустил в ход первую на юге России доменную печь, которая, раз запыхавшись огнем, с тех пор уже не угасает».

Первые годы Юзовский завод работал на местной руде, добываемой близ станции Еленовки и содержащей в себе 33% железа, что представляло значительные затруднения для выплавки чугуна. Отсутствие более богатых железом руд и главное — неимение удобных путей сообщения были причиной задержки в дальнейшем развитии металлургической промышленности юга России.

Но великому делу южнорусской металлургической промышленности, начатому иностранцем Юзом, помог местный уроженец Александр Николаевич Польш. Он нашел в противоположном конце края, а именно в пределах Херсонской губернии, близ села Кривого Рога, на правом берегу речки Саксагани, богатейшие залежи прекрасной руды, имевшей 70% железа, следствием чего был быстрый подъем рудничной промышленности во всем крае.

Кто же такой был Польш?

Александр Николаевич Польш вел свой род по мужской линии от кардинала Поля, жившего в Лондоне, но бежавшего оттуда в то время, когда в Англии при короле Генрихе VIII начался кровавый террор в делах веры. Потомок того кардинала Поля, Иван Иванович Польш, родился на острове Эзеле, был шведским подданным, служил в шведской армии. В царствование Екатерины II он поступил в русскую армию и участвовал в войне против турок. После окончания войны в 1791 году он получил за военные подвиги 1500 десятин земли близ реки Мокрой Суры Екатеринославской губернии Верхнеднепровского уезда и чин майора. Там он и поселился на жительство. Постановлением екатеринославского дворянского собрания от 12 мая 1804 года был записан во вторую часть дворянской родословной книги.

Живя в собственной деревне, И. И. Польш познакомился с домом помещика Маламы и женился на его дочери. Умирая, И. И. Польш оставил несколько дочерей и сыновей, из которых младший был Николай Иванович. Николай Иванович был женат два раза: в первый раз на дочери помещика Яковлева, во второй, после смерти первой жены, — на дочери помещика Полетики, Анне Павловне, внучке украинского наказного гетмана Павла Полуботка. От второй жены Николай Иванович имел двух сыновей — Александра и Петра — и одну дочь Марию.

В метрической книге села Семеновки Вознесенской церкви 1832 года за № 26 записано: «20 августа 1832 года в сельце Малоалександровке Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии у помещика Николая Ивановича Поля и жены его Анны Павловны родился сын, которому в святом крещении дано имя Александр. Крещение новорожденного младенца было совершено причтом Вознесенской церкви села Семеновки 23 августа того же года».

Находясь по женской линии в родстве с украинской фамилией Полуботков и часто

слыша рассказы о давних временах и славных подвигах запорожских «лыцарей», А. Н. Поль с юных лет полюбил Запорожье и его старину. Не удивительно, что, будучи еще мальчиком, он лазил по всем чердакам и чуланам дома своей бабки, везде отыскивал разные предметы старины и питал к ним особое пристрастие, С детства же он полюбил свои родные степи, свой народ, которому в зрелом возрасте отдал все силы своей души.

Сперва А. Н. Поля отдали в Екатеринославскую гимназию, но там он почему-то очень плохо шел. Тогда его перевели в Полтавскую гимназию, которую он кончил с серебряной медалью в 1850 году. Владея новыми языками, А. Н. Поль в том же году поступил в Дерптский университет. Дерптский университет, как «ученое заведение», делился тогда на 4 отделения: философское, врачебное, юридическое и богословское. А. Н. Поль поступил на юридическое отделение: пробыл на нем четыре года и окончил университет со степенью кандидата дипломатических наук. Аттестат об окончании университетского курса наук выдан был А. Н. Полю 25 октября 1854 года за № 480 за подписью ректора Фридриха Христиана Нейе. В аттестате между прочим сказано, что Поль «оказал познания очень хорошие. Представленное же им раз-суждение было найдено соответствующим своей цели».

Окончив университет, А. Н. Поль возвратился на родину с пламенным желанием послужить ей всеми силами и всеми своими познаниями, приобретенными в университете. С этой целью он предпринял пешком целый ряд экскурсий по Верхнеднѣпровскому уезду. «Окончив курс наук,— говорил он,— я вернулся в родные степи, взял в руки палочку и пошел пешком осматривать могилы, городища, урочища». В одно из таких хождений в 1866 году он зашел в Дубовую балку, у правого берега реки Саксагани, близ селения Кривого Рога. Местность в Дубовой балке чрезвычайно поразила А. Н. Поля как своим вековечным дубовым лесом, так и своими громадными скалами, а также обширными и глубокими пещерами, из коих самая большая из них называлась Гайдамацкою пещерою.

Осматривая балку с чисто археологической стороны, А. Н. Поль неожиданно для самого себя наткнулся близ нее на обнажения железной руды.

Как известно, руду в окрестностях Кривого Рога нашел еще далеко раньше Поля профессор Екатеринославского университета Василий Ливанов, донесший о том своевременно князю Потемкину. Знал ли об этом Поль или не знал, о том он сам нигде не говорит. Во всяком случае он сразу уразумел, какое великое значение может иметь такое открытие для всего края.

Однако, чтобы узнать, насколько высоко качество открытой им железной руды, он взял несколько образцов ее и отправился с ними в саксонский город Фрейберг к знаменитому профессору минералогии Штрипельману. Штрипельман, увидев образцы руды, нашел, что открытая Полем руда прекрасного качества. Тогда, чтобы убедиться, как велики залежи найденной руды и в каких направлениях идут ее жилы, А. Н. Поль пригласил профессора проехать вместе с ним в Россию, гарантируя ему 1000 франков в месяц. Предложение было принято, и приезжий специалист на месте убедил А. Н. Поля в том, что он открыл громадные богатства в крае.

Тогда А. Н. Поль решил взять в аренду рудниковые залежи на самый продолжительный срок, то есть на 99 лет. А сделать это было не так трудно. Надел земли, на котором обнаружена была руда, считался у местных крестьян «нікчемним», потому что на нем нельзя было ни орать, ни сеять что-либо. Поэтому, когда А. Н. Поль выразил желание взять его в аренду, крестьяне охотно пошли на то и даже дивились тому, «на що вона, та земля, йому потрібна».

Теперь Полю предстояло повести правильную разработку руд, но денег у него не было на то. Он думал образовать общество для разработки рудных месторождений и привлечь к тому местных капиталистов, но как и сколько он ни старался, его никто и слушать не хотел. Тогда

Поль, как пророк, не признанный в отечестве, обратился за границу. Но и там пришлось ему очень долго хлопотать. Только после 15 лет тяжелых испытаний ему удалось добиться сочувствия в Париже, где основалось «Акционерное общество железных руд Кривого Рога», которое начало свою деятельность разработкой руды для завода Юза, а затем и для других заводов.

Но для успешного дела разработки найденной в Кривом Роге руды нужно было иметь большие запасы каменного угля, чем был богат Донецкий бассейн. Для доставки же того угля из Донецкого бассейна в Кривой Рог необходима была железная дорога. Поэтому А. Н. Поль возбудил ходатайство перед правительством о постройке железной дороги, которая могла бы соединить Криворожский район с Донецким бассейном. Указывая на то, что он открыл руду, графит, горный лен, гранит, даже малахит, А. Н. Поль предрекал краю блестящую будущность в промышленно-заводском производстве, зависящую от проведения железной дороги.

Однако ходатайство А. Н. Поля перед правительством о проведении такой дороги на первых порах успеха не имело. Но тут уже и само земство поняло всю важность такой дороги и, по словам Поля, со своей стороны выступило с ходатайством перед правительством.

Вследствие такого ходатайства земства и неоднократных ходатайств самого А. Н. Поля правительство наконец решилось удовлетворить потребность края и в 1875 году апреля 22 дня утвердило проект железной дороги, которая должна была соединить Донецкий бассейн с Криворожским районом.

Однако наступившая в 1877 году турецкая война не только помешала осуществлению проведения дороги, а сделала даже то, что после окончания войны проект дороги совсем был забыт.

И снова начались метания А. Н. Поля. Он точно не ходил и не бегал, а как будто везде летал: то в столицу из Екатерине слав а, то из столицы обратно, то к министрам от земства, то от министров назад. Долго все его ходатайства, все доводы его и доклады оставались совершенно втуне, и только в 1881 году окончательно последовало от правительства разрешение на постройку железной дороги с мостом через реку Днепр. Сперва она была названа Криворожской, а потом, в память Екатерины II, Екатерининской. В 1884 году Екатерининская железная дорога, связавшая город Екатеринослав с Лозово-Севастопольской и Харьковско-Николаевской дорогами, мая 18 числа уже начала работать. Новая дорога соединила Донецкий каменноугольный бассейн с рудным Криворожским при станции Карнаватке, дала выход донецкому углю на юго-западные дороги и в Николаев-Порт, руде — на восток и на заводы Присмелянского края через станцию Знаменку, и хлебу — в тот же Николаев-Порт.

Построечная стоимость дороги составляла сумму 30 900 000, причем одна верста главного пути и ветвей обошлась в среднем около 65 600 рублей, а исключая стоимость Днепровского моста, около 3 960 000 рублей, верста дороги обошлась около 57 240 рублей.

С проведением железной дороги город Екатеринослав из второстепенного провинциального города обратился в крупный торговый и промышленный центр со множеством фабрик, заводов и мельниц с почти миллионными оборотами. Насколько он вырос, можно видеть из постепенного в нем роста населения и самого бюджета. Так, в 1804 году в нем было обоего пола 6389 человек, в 1825 году — 8412, в 1865 году — 22 846, в 1885 году — 46 876, в 1897 году — 112 000. Бюджет его составлял в 1870 году 95 500 рублей, в 1880 году — 120 000 рублей, в 1890 году — 222 000 рублей, в 1900 году — 692 000 рублей. Через 25 лет после проведения Екатерининской железной дороги в городе Екатеринославе уже было населения около 180 000 человек. Вокруг города выросли поселки Амур, Нижнеднепровск, Шляховка.

Подняв город Екатеринослав на большую высоту как центр горнозаводской промышленности всего юга России, А. Н. Поля принимал самое горячее участие и во всех его общественных делах. Так, он работал в дворянской комиссии по вопросу об устройстве быта крестьян в Верхнеднепровском уезде. По тому же вопросу об устройстве быта крестьян всей Екатеринославской губернии он вместе с другими представителями от губернии ездил не раз в столицу. Избранный гласным губернского земства от своего уезда, он не раз выступал на съездах с прекрасным, живым и горячим словом, проникнутым истинной гуманностью и любовью к меньшему, приниженному и нуждающемуся человеку. Избранный почетным мировым судьей, он находил время и для заседания в суде. Бывши членом губернского училищного совета, он много уделял внимания женской гимназии и особенно реальному училищу, естественный кабинет которого обогатил прекрасной коллекцией минеральных богатств Кривого Рога. Занимаясь историей и археологией, он отовсюду собирал древние рукописи, редкостные монеты и производил в разных местах раскопки курганов, за что был избран действительным членом ученого Общества истории и древностей города Одессы.

Сотраждане под конец вполне оценили А. Н. Поля, как крупного общественного деятеля и избрали его почетным гражданином города, а дворяне повесили его прекрасный портрет в одной из зал дворца Потемкина, назвав ту залу Полевскою.

Но недолго суждено было жить Александру Николаевичу: июля 26 дня 1890 года он внезапно скончался на 58 году жизни. Весь город был поражен неожиданной кончиной дорогого, честного и неутомимого общественного деятеля. После его смерти губернное земство для сохранения памяти о нем на потомство решило соорудить музей имени А. Н. Поля, а в Кривом Роге был поставлен бронзовый бюст «новороссийскому Колумбу».

Конец XIX столетия ознаменовался в городе Екатеринославе чрезвычайно радостным событием, а именно открытием в 1897 году бельгийским анонимным обществом трамвая. Первые вагоны электрического трамвая были пущены в городе в июле месяце. Это очень оживило город, потому что связало нижнюю часть города с горой и удешевило способы передвижения по городу. Проведением трамвая город Екатеринослав опередил многие другие русские города.

В конце того же XIX столетия, а именно в 1899 году, в городе Екатеринославе было открыто Высшее горное училище, имевшее целью подготовить молодые ученые силы для разработки и изучения тех богатейших и разнообразных минеральных залежей, которые находятся на поверхности земли или в недрах ее нашей обширной Екатеринославской губернии.

Начало XX столетия ознаменовалось в Екатеринославе сооружением в 1901 году памятника славному русскому поэту А. С. Пушкину по проекту гражданского архитектора Г. И. Панафутина, стоимостью в 7642 рубля 92 копейки 3. В 1904 году в городе была открыта архивная комиссия. Архивная комиссия поставила себе задачу собрать отовсюду воедино в Центральный губернский архив все архивные материалы, где бы они ни были, в самом Екатеринославе или в уездных городах, составить научную опись их и пользоваться ими для ученых исторических работ.

По инициативе некоторых профессоров Высшего горного училища образовалось так называемое научное общество, которое поставило целью изучение местного края. Печатались работы по химии, физике, минералогии, землеведению, истории, археологии, читались лекции на разные темы.

В 1905 году в городе Екатеринославе на средства губернского земства был сооружен Музей имени А. Н. Поля инженером-архитектором Сендецким в новоэллинистическом стиле с

девятью отделениями. Первым директором Музея имени А. Н. Поля и первым вкладчиком в него был профессор Д.И. Яворницкий, принесший в дар свою коллекцию козацких древностей. Но так как одной коллекцией козацких древностей всех отделов музея заполнить было нельзя, то по инициативе того же директора созван был в Екатеринослав XIII археологический съезд, на который прибыло много русских и несколько заграничных ученых-археологов, историков, лингвистов, этнографов, правоведов, канонистов. Ввиду предстоявшего съезда директором музея с помощью студентов раскопано было больше 200 курганов, добыто было у разных лиц губернии много всякого рода предметов старины, взята была из церквей и монастырей утварь древних времен. Все доклады, читанные на съезде, и все дебаты, происходившие между учеными, были напечатаны в двухтомных «Трудах XIII археологического съезда».

Конец 1905 года ознаменовался в городе Екатеринославе такими кровавыми событиями, которые по справедливости следовало бы изобразить не чернилами, а кровью погибших.

Непосредственно перед днем 17 октября неожиданно в городе Екатеринославе, как и во всей России, начались забастовки. Октября 10 числа забастовали служащие всех служб и мастерских железных дорог и за ними служащие заводского района на Амуре, Нижнеднепровске и на окраинах города. С 9 часов утра 11 октября к забастовке примкнули наборщики всех екатеринославских типографий, затем приказчики магазинов, шляпницы, модистки, портные, сапожники, папиросницы, рабочие картонажных мастерских, слесарных, кузнечных и механических заведений. К 12 часам дня прекратились работы на табачной фабрике, мыловаренных заводах, на мукомольных мельницах, лесопильных заводах и лесных пристанях.

К полудню промышленная жизнь города замерла. Магазины поспешно закрылись, витрины заколачивались дощатыми затворами.

В два часа дня забастовали провизоры и аптекарские ученики. Все учебные заведения еще накануне были объявлены закрытыми «впредь до особого разрешения».

На улицах города царил необычайное движение.

Государственный банк, казначейство, почтово-телеграфные конторы, губернское правление, губернаторский дом и другие официальные места охранялись усиленными патрулями солдат и Козаков.

По Проспекту и поперечным улицам непрерывно проезжали донские козаки в полной походной форме, за ними следовали конные городовые. Длинной лентой через весь город в течение целого дня «скорым шагом» двигалась пехота Феодосийского и Симферопольского полков. Военные силы стягивались, главным образом, к вокзалу и на Чечелевку.

Рабочие екатеринославских и нижнеднепровских железнодорожных мастерских и депо условились собраться 11 октября в 8 часов утра на линии у екатеринославского вокзала... Но едва они вошли в депо, их разогнали козаки. При рассеянии толпы залпом убит чистильщик депо Федор Федорович Попко.

Железнодорожные служащие собрались во дворе дома Рагинского. Митинг здесь продолжался более трех часов. Присутствовало около 1000 человек. Около 1-го часа дня митинг был закрыт, и присутствующие решили отправиться на рабочий митинг на Брянскую площадь.

Едва только толпа вышла из ворот, на Широкую улицу прискакала полусотня Козаков. Многие бросились бежать. Часть толпы пошла по Проспекту, а большинство медленно двинулось по Гимнастической улице вверх к Военной улице.

Козаки замыкали шествие. Впереди них ехал полицейский пристав. Пропустив толпу на Военную, козаки бросились наперерез ей и преградили дорогу у Пушкинского памятника. Здесь по команде пристава козаки спешились и дали залп. В ужасе толпа стала разбегаться во все

стороны, во дворы и дома. За первым последовал второй залп, третий, четвертый... Трудно было в первую минуту определить число жертв. Многие падали от испуга, другие долгое время находились в обморочном состоянии, а третьи, как передают пострадавшие, падали на землю, притворяясь мертвыми, дабы избавиться от избиения.

Итог — 7 убитых и 18 раненых, из которых 4 вскоре скончались. Среди раненых — модистка Горлачик, пораженная в ногу разрывной пулей. В этот же день войска стреляли по собравшимся на митинг учащимся, то есть по детям, убив 5 человек и ранив 20 человек, из которых трое скончались в больнице. Весь день в городе гремели выстрелы. К вечеру все в городе замерло, по улицам движение прекратилось. Вечером город утопал во мраке, так как электрические фонари не горели. В городе царствовала зловещая тишина. Только слышны были стук копыт козачьих разъездов и топот проходивших пехотных частей.

Город принял вид военного лагеря. На Павловской и на четырех Чечелевских улицах были устроены баррикады. Всего было устроено шесть баррикад, из которых две на первой Чечелевке, а остальные на других улицах. Самая большая баррикада находилась на границе первой Чечелевки и Брянской площади. С обеих сторон ее были вырыты довольно глубокие рвы, а самая баррикада состояла из возов, рельсов, столбов и других предметов, засыпанных толстым слоем земли. На каждой баррикаде с утра находилось по несколько сот человек, произносились речи и давались указания относительно образа действий. На высоких шестах развевались знамена с надписями политического содержания...

Больницы были переполнены убитыми и ранеными. 12 октября состоялись похороны убитых. Десять тысяч человек проводили погибших в последний путь.

Спокойствие восстанавливалось в городе с большим трудом. Дольше всех бастовали железнодорожники, трамвайщики и рабочие предприятий Амура и Нижнеднепровска. Под грохот расстрелов зачитан кровью страна получила 17 октября царскую конституцию... Рабочие быстро раскусили смысл и содержание царской конституции.

О дальнейшем ходе событий пристав 6-й части города доносил губернатору так: *«Имею честь донести вашему превосходительству... Сегодня по заводам района часто собирались рабочие; брянские рабочие решили с ночи сегодня приступить к работам; трубные и гвоздильные просили уплаты за забастовку, им отказано, порешили собраться сегодня на Брянской площади в 2 часа дня для обсуждения этого вопроса. Об экономических вопросах было сказано очень мало, все говорилось речи политического характера. Сейчас большая часть рабочих направляется в город с целью выразить протест предполагаемой думе — «Нам не нужна дума, нам нужна демократическая республика», приглашали жертвовать на бомбы и оружие... Пристав 6-й части. (Подпись.) 19 октября 1905г.»*

Царское правительство прибегало — *Norribile est dicere!* — к старому испытанному методу — еврейскому погрому, «Его превосходительству господину Екатеринославскому губернатору Екатеринославского полицеймейстера. Рапорт. Доношу вашему превосходительству, что во время происходивших в последние дни беспорядков в городе Екатерине славе разбито и разграблено 122 лавки, 64 магазина, 135 рундуков, 40 квартир и сожжено 5 домов. Убито евреев холодным оружием: 34 мужчины, 9 женщин, 1 девочка, огнестрельным 20 мужчин... ранено холодным оружием и огнестрельным 48 человек евреев... Полицеймейстер Хлобоцин. Октября 25 дня 1905 года...».

Глава X

А время шло вперед, и жизнь вымогала свое. Екатеринославское губернское земство

пришло к мысли сделать очень большое дело: устроить в 1910 году в городе Екатеринославе Южнорусскую областную сельскохозяйственную, промышленную и кустарную выставку. Для большей поучительности и целостности отделов выставки допустить также и внерайонные экспонаты, а также пригласить на «мирное состязание» и иностранные экспонаты. В район входили губернии: Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Полтавская, Харьковская, области Войска Донского и Кубанская. Такая территория в квадратных верстах имела 489 681 с населением 20 818 000 человек. По площади такой выставочный район равнялся приблизительно Германии, составляя по населению одну треть народонаселения последней.

В этнографическом отношении район представлял из себя весьма пеструю картину. Преобладающим элементом были украинцы, великороссы и козаки. Среди них, однако, густо вкраплены были татары, греки, болгары и немцы-колонисты; в городах черты оседлости сильно представлен был еврейский элемент; много также было представителей других национальностей: поляков, немцев, французов, бельгийцев и других.

На выставке были представлены отделы — полеводства, стоящего на высокой степени культуры, также сильно развитого животноводства, далее огородничества, плодоводства, виноделия. Для переработки продуктов сельского хозяйства тут же представлены были свеклосахарный, винокуренный, маслособойный заводы, мукомольные мельницы.

Из ископаемых богатств юга России на первом плане представлены были каменный уголь и железная руда; далее шли: антрацит, марганцевая руда, каменная соль, ртуть, каолин, аспид, гранит, малахит. Тут же указано было, что по добыче каменного угля и по выплавке чугуна на долю юга России приходилось свыше 70% всей добычи и всей выплавки в России.

В соответствии с развитием сельского хозяйства и промышленности для удовлетворения их нужд в машинах за последнее тридцатилетие возникло на юге России много машиностроительных и механических заводов. Особенно многочисленны заводы по сельскохозяйственному машиностроению; сельскохозяйственными машинами и орудиями снабжался не только юг России, но и другие области России, даже далекая Сибирь.

Остальные отрасли промышленности и кустарных промыслов богато были представлены на выставке в специальном отделе; они дополняли промышленность и сельское хозяйство юга России.

Сильное развитие торговли в обширном районе выставки обуславливалось, с одной стороны, высоким положением сельского хозяйства и промышленности, с другой стороны, наличием удобных железных и водных путей сообщения и хорошо оборудованных портов, каковы: Одесса, Николаев, Мариуполь, Ростов-на Дону.

Выставка также показала, что самый город Екатеринослав начал быстро расти лишь в 80-х годах XIX столетия благодаря возникновению и развитию горной промышленности на юге России и проведению железной дороги. Ко времени открытия выставки он уже представлял из себя крупный центр промышленной, торговой и культурной жизни в крае с населением около 200 тысяч человек жителей.

Открытая в 1910 году июля 1 дня выставка была закрыта в том же году октября 10 дня. Уже несколько раз и дирекция Екатеринославского высшего горного училища и губернское земство обращались с ходатайством к правительству о преобразовании высшего горного училища в Горный институт с правами, присвоенными ему, как и всем другим высшим учебным заведениям Российской империи. Прямым побуждением такого преобразования было — привлечь возможно большее количество учащихся и самих профессоров с более высокой ученой квалификацией. Еще в 1896 году 21 февраля Екатеринославская городская управа внесла в думу доклад об учреждении в г. Екатеринославе Горного института. Со стороны

города предложено было предоставить в распоряжение правительства на это дело 200 тысяч рублей с уплатой в течение 4 лет по 50 тысяч и землю в количестве, какое потребуется под здания института. Кроме того, предполагалось, что на устройство Горного института поступит пожертвований от горнозаводчиков и других частных лиц не менее 300—400 тысяч рублей. При таких условиях представители общественного управления рассчитывали на удовлетворение ходатайства со стороны правительства. Для подробной разработки вопроса об открытии Горного института была избрана особая комиссия.

В местном ежегоднике «Приднепровье» за 1912 год стоит еще «Высшее горное училище», но в таком же ежегоднике за 1913 год уже поставлено «Екатеринославский Горный институт». Ректор института — профессор геологии Н. О. Лебедев, декан профессор Я. И. Грдини. Далее следуют профессора, штатные преподаватели, нештатные преподаватели, штатные ассистенты, ассистенты по найму, лаборанты, библиотекарь, делопроизводитель, смотритель здания, врач.

В том же 1913 году среди небольшой группы профессоров и ассистентов Горного института возникла мысль о создании в Екатеринославе высших женских курсов. Под председательством ректора Горного института Н.О. Лебедева были проведены первые организационные работы, и для выработки устава и учебных планов были привлечены общественные деятели, врачи, преподаватели разных учебных заведений. 28 мая 1913 года учебные планы и устав курсов уже направлены были на утверждение попечителю учебного округа. Но это ходатайство встретило отпор на почве процентной нормы... В 1914 году вспыхнула империалистическая война, и вопрос об открытии курсов возобновился уже в более благоприятных условиях при министре графе Игнатеве. В июле месяце 1916 года высшие женские курсы были разрешены на общих основаниях для частных курсов по закону от 4 июня 1914 года. Хотя до начала учебного года оставалось мало времени, но были приложены все старания для открытия курсов той же осенью. Курсы были открыты пока с двумя факультетами: медицинским и физико-математическим. Наплыв желающих поступить на курсы был огромный. На медицинский факультет было принято 600 слушательниц, а на физико-математический — 200. С 1917 года был открыт прием на курсы и для мужчин. Отсюда уже был только один шаг и до открытия в Екатеринославе университета.

Настал 1918 год, чрезвычайный во всей России год: в июле месяце этого года не стало в живых последнего царя из дома Романовых Николая II, до того времени монарха никем и ничем неограниченного, монарха «божиею милостию». Изменился вековой политический строй всего государства; власть перешла к самому народу, и для каждого гражданина открылось широкое поле деятельности на всех поприщах.

В городе Екатеринославе также занялась заря новой жизни. В 1918 году в нем был открыт Университет полностью с четырьмя факультетами: историко-филологическим, юридическим, медицинским и математическим. В него вошли Высшие женские курсы и весь местный Учительский институт.

Для формирования университета, по мысли местных общественных деятелей, был приглашен в Екатеринослав ректор Московского университета М. К. Любавский. Самым горячим ревнителем открытия университета был местный присяжный поверенный Н. Ю. Ворожейкин, широко образованный, весьма популярный и уважаемый в городе человек.

Выработан был устав Екатеринославского университета. Для утверждения того устава Министерством народного просвещения был командирован в 1918 году Городской Думой профессор Горного института Л. Л. Иванов. Профессор вполне успешно исполнил возложенное на него поручение, за что Городская Дума выразила ему благодарность такими словами: *«Екатеринославская Городская Дума в очередном ея собрании 31 июля сего года, заслушав*

доклад по вопросу об утверждении устава Екатеринославского университета и приняв во внимание успешное исполнение вами поручения Думы в личном ходатайстве по этому вопросу пред Министерством Народного Просвещения, постановила: выразить вам за это благодарность Думы, о чем и имею честь уведомить вас. Городской голова И. Эзау, городской секретарь Набиркин. Августа 14 дня 1918 г.».

Первым ректором Екатеринославского университета был профессор Н. О. Лебедев.

Открытый в 1918 году Екатеринославский университет, однако, просуществовал всего лишь до 1920 года. В этом году он был закрыт и вместо него были организованы Высший институт народного образования (ВИНО или ИНО) и Медицинская академия, переименованная в 1921 году в Медицинский институт. Ректором института был профессор Московского университета В. П. Карпов. Уже в том же 1921 году институт впервые выпустил 245 человек врачей. В настоящее время он является самым крупным в городе высшим учебным заведением. Число студентов в нем к 1 января 1937 года было 2467 человек, не считая рабфаков, где число учащихся достигло цифры 1247 человек. Ректором института ныне состоит профессор анатомии М. М. Тростакецкий, заступающим его по ученой части профессор Ю. А. Петровский. Ученых работ институт выпустил около 180.

Тем временем в 1926 году не стало города Екатеринослава, а стал город Днепропетровск, названный по имени Г. И. Петровского, председателя Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, бывшего рабочим в Брянском заводе. Имя царицы Екатерины было ненавистно для простого русского народа, как царицы панской, отдавшей миллионы людей панам в крепостное рабство. В народных украинских песнях она называлась и теперь называется «суча» или «вража матери».

В 1933 году также не стало и института народного образования (ИНО), а снова стал университет, только уже с другими факультетами: математическим, химическим, биологическим и геологическим. Первым ректором этого второго в нашем городе университета был Куис, за ним скоро последовал Комаровский, за Комаровским — Морозов, а Морозова сменил И. Н. Ефимов. Проректором состоит профессор В. М. Архангельский.

В обновленном городе Днепропетровске жизнь забила живым и могучим ключом. Строились новые, громадных размеров, дома, мостились прекрасные мостовые, насаждались новые парки, омолаживались старые, запущенные сады, асфальтировались базарные площади, гудронировались дороги, возникали десятки общеобразовательных школ и всяких техникумов, каковы, например: транспортный, электросварочный, коксохимический и другие.

Вырастали, точно из земли, институты: металлургический, транспортный, строительный, сельскохозяйственный, фармацевтический, химико-технологический, физической химии, научно-исследовательский кукурузного хозяйства, научно-исследовательский кожевенной промышленности, научно-исследовательский металлической промышленности.

Кроме всего того, реконструировались старые заводы, расширилась водопроводная сеть, проведена новая трамвайная линия от города на Амур, для чего был расширен старый железнодорожный мост; продлены были трамвайные линии до поселка Фрунзе и до транспортного института, сооружен новый через Днепр железнодорожный Мерефо-Херсонской железной дороги мост.

До всего того устроены больницы при заводе имени Г. И. Петровского, бывшем Брянском заводе, и железнодорожная поликлиника, а также дворец профилактики и дворец культуры.

Так растет наш город Днепропетровск не по дням, а по часам, бежит вперед американским темпом. Будущее его рисуется в живом воображении не только великим, а

поистине грандиозным. Пройдет немного времени и с ним сольются все 20 селений, находящихся на правом берегу Днепра, каковы: Каменно-Потоцкое, Плахтиивка, Деринька, Куцеволовка, Мишуриин Рог, Калужино, Днепрово-Каменка, Бородаевка, Глинское, Пушкаровка, Шошиновка, Аулы, Романково, Камянское, Тритузное, Карнауховка, Таромское, Сухачевка, Диевка, Новый Кодак. С ним же, несомненно, сольются и селения Лоцманская Каменка и Старый Кодак, находящиеся ниже Днепропетровска, на том же правом берегу Днепра.

Из всего того образуется один стоверстный, многолюдный, богатый, блестящий город, своего рода славный украинский Манчестер. Индустриализация, техника, экономика, культура духовная, культура материальная — все в нем закипит.

Днепровские пороги, которые всегда были большим препятствием для судов, шедших по Днепру, теперь совсем не страшны, потому что все они покрыты водой после сооружения грандиозной плотины на Кичкасе, ниже всех порогов Днепра, издававших грозный рев не сотни тысяч, а миллионы лет.

Шесть царей, начиная с Екатерины II, боролись с порогами Днепра, чтобы сокрушить их и сделать реку свободной от камней для вольного плавания по ней судов. Пороги были неодолимы для царей. Но что было неодолимо для царской власти, то оказалось вполне одолимо для советской.

Теперь Днепр, имеющий ниже порогов шлюзы, поднявшие воду в Днепре на большую высоту, представляет собой свободный и беспрепятственный путь в Днепрово-Бугский лиман, из лимана в Черное море, прямо морем в Царьград, влево к берегам Анатолии, вправо к устью Дуная. По глубокому, свободному и мощному Днепру уже снуют везде быстроходные пароходы, легкие катера, тяжелые паровые грузовики. Они отвозят богатства и произведения нашего края в чужие края, а взамен того привозят богатства и произведения чужих краев в наш вольный, веселый и счастливый край. И забьет в нашем городе жизнь неисчислимым множеством ключей; закипит работа миллионов людей; из него польются широкими потоками богатейшие произведения промышленности; заблестит яркими лучами живопись, народятся мировые ученые, явятся славные, одаренные богатыми дарами поэты.

*Днепропетровск,
1937 г.*